

Санкт-Петербургский государственный университет

ИЕВЛЕВА Анна Эдуардовна

Выпускная квалификационная работа

Античный миф в современной литературе (цикл «Мифологические рассказы»)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5858. «Литературное творчество»

Научный руководитель:

профессор, Кафедра истории зарубежных литератур,
Аствацатуров Андрей Алексеевич

Рецензент:

доцент,
Кафедра теории и истории мировой литературы,
Южный федеральный университет,
Рослый Андрей Сергеевич

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМА «ЛИТЕРАТУРНОГО МИФОЛОГИЗМА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	6
ГЛАВА 2 ЦИКЛ «МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ»	27
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	133
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	137

ВВЕДЕНИЕ

Античная мифология на протяжении многих веков оказывала мощное влияние на литературу, являясь для нее сначала «колыбелью» [22, с. 5], а затем неисчерпаемым источником образов, мотивов и сюжетов, позволяющих в условно-символической форме выражать самое современное содержание и наполнять его глубоким философско-этическим смыслом.

В XX веке, отмеченном острым кризисом рационалистического сознания, литература стала все чаще обращаться к мифу. Как констатировал М. Л. Гаспаров в статье 1996 года, «мифами люди жили до разума и хотят жить теперь, разочаровавшись в разуме» и потому неудивительно, что «вся уважающая себя литература XX века прошла под знаком слова "миф"» [13].

В XXI веке, принесшем новые вызовы отношениям человека и мира, миф не сдает свои позиции в литературе. Античный миф неизменно находится в зоне пристального внимания и вдохновляет многих современных русскоязычных авторов, работающих во всех родах литературы (эпическом, драматическом, в лирике), придерживающихся разных эстетических направлений (от реализма до постмодернизма), создающих тексты в разнообразных жанровых формах (от мелких до самых крупных) и дискурсах (от массового до элитарного). Это обстоятельство и побуждает исследователей к изучению проблемы литературного мифологизма.

Данная работа посвящена изучению античных мифологических влияний на литературу с точки зрения мифопоэтики на примере произведений, созданных на рубеже XX – XXI веков и в XXI веке русскоязычными авторами.

Различные аспекты взаимоотношения литературы и мифа исследовались в работах ученых прошлого века [1, 22, 21 и др.] и века нынешнего [15, 24, 26 и др.], однако новые исторические условия требуют продолжения их осмысления на современном материале.

Актуальность работы определяется масштабностью явления – использования мифа в новейших художественных произведениях – и изменением способов и характера мифологизма в этих произведениях под влиянием социально-исторических процессов и тенденций в литературе (различных эстетических направлений и дискурсов).

Новизна заключается в изучении мифологизма на примере самостоятельно написанных текстов, представленных циклом «Мифологические рассказы».

Материалом для исследования послужили произведения современных русскоязычных авторов, использующие античный мифологический материал, и цикл «Мифологические рассказы».

Объектом исследования является художественный текст цикла «Мифологические рассказы» и других произведений.

Предмет исследования – особенности функционирования античного мифа в цикле «Мифологические рассказы» и других произведениях.

Теоретической базой для работы послужили труды С. С. Аверинцева, А. Ф. Loseva, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, результаты исследований мифопоэтики современной прозы И. Н. Зайнуллиной, Е. А. Мирзы и др.

Основная **цель** выпускной квалификационной работы – выявить способы и формы мифологизма в современной русской прозе на примере цикла «Мифологические рассказы».

На достижение указанной цели направлено решение ряда **задач**:

- изучить теоретические работы по проблеме «литературного мифологизма»;
- определить понятия «миф» и «литературный мифологизм»;
- выявить особенности античного мифологического материала, повлиявшие на его привлечение в качестве средства художественной изобразительности;
- проанализировать произведения современной прозы в аспекте проблемы «литературного мифологизма»;

- рассмотреть особенности функционирования античного мифа в художественном тексте цикла «Мифологические рассказы».

При написании выпускной квалификационной работы использованы следующие **методы**:

- аналитический обзор научной литературы по теме исследования;
- сравнительно-сопоставительный;
- историко-культурный;
- литературоведческий анализ.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух частей – теоретической и художественного текста, а также заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМА «ЛИТЕРАТУРНОГО МИФОЛОГИЗМА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Общепринятого определения мифа в литературоведении не существует. В рамках нашей работы под мифом будем понимать «древнейшее сказание, являющееся неосознанно-художественным повествованием о важных, часто загадочных для древнего человека природных, физиологических и социальных явлениях, происхождении мира, загадке рождения человека и происхождении человечества, подвигах богов, царей и героев, об их сражениях и трагедиях» [17, стб. 559].

«Мифологизм», или «мифологизирование» вслед за Е. М. Милетинским, рассматривается здесь «как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение» [23, с. 295], то есть осознанные автором художественные влияния мифологического материала на литературное произведение.

На всех этапах истории литературы мифологизм неизменно присутствовал, отличаясь интенсивностью и характером: либо мифологический материал подвергался демифологизации, то есть разрушению мифологической основы через осмеяние иррационального, научное объяснение сверхъестественного, либо происходил обратный процесс – ремифологизации, когда реалистичным событиям приписывался фантастический характер, время за цикливалось, персонажи приобретали двойников или становились многоликими.

Наиболее часто литература использует для мифологизирования материал античной мифологии, что объясняется и свойствами, присущими общей природе мифа, как порождения древнего коллективного сознания, и уникальными чертами древнегреческого мифа.

Миф интересен литературе

- как средство коммуникации с духовным наследием предков;

- как объяснение таких аспектов жизни, которые, имея особое значение для каждого человека и человечества в целом, недоступны исключительно рассудочному подходу: тайна рождения и смерти, судьба и т. д.;

- как средство духовной гармонизации и источник этической нормы;

- как всеохватывающий источник поэтической выразительности;

- как возможность передать «общее» через «единичное», раздвинуть пространственные и временные границы, придать эффект многомерности художественной мысли;

- как гарант вариативности и многозначности высказывания в силу символической природы мифологических образов и сюжетов.

Античная мифология необычайно содержательна и разнообразна по понятийному составу и типологическому спектру, в ней огромное количество богов, героев, зооморфных и миксантропических существ, символических «географических» и пространственных понятий, и это обстоятельство открывает широкую перспективу для художественного мифологизирования.

Как отмечает А. Ф. Лосев, даже самые «схематические» элементы мифологии «... в умелых руках часто играют вполне положительную роль, и даже лучшие писатели отнюдь этим не пренебрегают» [20, с. 114].

В целом, ограниченная временными рамками в качестве формы миропонимания и религии античная мифология является феноменом художественно безграничным.

В качестве источников мифологической информации для литературного мифологизирования выступают античная литература, огромное количество художественных постантичных интерпретаций мифов, научные теории мифа и научно-популярные изложения античной мифологии.

В XX веке обращение литературы к мифу вылилось в устойчивую и глобальную тенденцию. Это объяснимо в свете изменения функции литературы, которую В. Изер определил как герменевтическую. В условиях,

когда литература становится формой интерпретации действительности, формой привнесения в нее смысла [16, с. 38], роль мифологизирования трудно переоценить, ведь миф, в силу своей природы, и призван создавать и объяснять картину мира.

С конца XX века мифологизирование подвержено влиянию модернистской и постмодернистской традиции и массовой литературы. Вследствие этих процессов «мифологизирование выступает чаще всего не столько как средство создания глобальной модели, сколько в качестве приема, позволяющего акцентировать определенные ситуации и коллизии современности параллелями из мифологии» [21, с. 64].

Современный литературный процесс характеризуется стиранием границ между направлениями, комбинированием направлений. В новых условиях в отношении к мифу это проявляется в превалировании метода демифологизации. По наблюдению И. Н. Зайнуллиной, «"игра" становится доминирующим и самодовлеющим принципом в современном мифотворчестве: отсюда возникают мотивы "кажушности", "муляжности", игры в "als ob". Мифологические образы выполняют лишь роль формы, маски, за которой "содержание" меняется порой на противоположное» [15, с. 19].

Взаимопроникновение высокой и массовой литературы прагматизирует роль мифа. Как отмечают Т. А. Рытова и Е. А. Щипкова, «мифологическая нить, вплетенная в ткань новейших произведений, может не влиять на события. Она вводится, чтобы подсветить абсурд реальности, который герои повседневно переживают, не пытаясь противостоять ему (как в экзистенциальной литературе), но и не "свыкаясь" с хаосом мира, не отчуждаясь от него эмоционально (как в модернизме)» [26, с. 120].

С. С. Аверинцев и М. Н. Эпштейн, говоря о литературе XX века, выделили следующие типы художественного мифологизма:

- 1) Создание художником своей оригинальной системы мифологем.

2) Воссоздание глубинных мифо-синкретических структур мышления (нарушение причинно-следственных связей, причудливое совмещение различных времен и пространств, двойничество и «оборотничество» персонажей), которые должны обнаружить до- или сверхлогическую основу бытия.

3) Реконструкция древних мифологических сюжетов, интерпретированных с большей или меньшей долей вольного осовременивания.

4) Введение отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань реалистического повествования, обогащение конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями.

5) Воспроизведение таких фольклорных и этнически самобытных пластов национального бытия и сознания, где еще живы элементы мифологического мирозерцания.

6) Притчеобразность, лирико-философская медитация (часто в рамках жизнеподобия), ориентированная на изначальные, архетипические константы человеческого и природного бытия: дом, дорога, детство, старость, любовь, смерть и т. п. [1, с. 224].

Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский выделяют три основных формы присутствия мифа в литературе XX века:

1) использование мифологических образов и сюжетов;

2) создание «авторского мифа», который выступает «как орудие художественной организации материала»;

3) структурирование текста по матрице романа-мифа, в котором «миф принципиально не является ни единственной линией повествования, ни единственной точкой зрения текста» [21, с. 62 – 64].

Следует указать еще на одну форму присутствия мифа в художественном тексте – в качестве мифологического языкового кода (метафор, сравнений, персонификаций, аллегорий) и дополнить первый пункт списка еще одним элементом – мифологическими мотивами.

Особенности мифологизма в XX веке, по С. С. Аверинцеву и М. Н. Эпштейну, заключаются в следующем:

1) Трансцендентной силой, господствующей над человеком, изображается уже не внешняя природа, а сотворенная им самим цивилизация (в результате мифологическое мироощущение приобретает преимущественно не героический, а трагический или трагифарсовый, гротескный характер).

2) В неодолимую и таинственную судьбу в современных сюжетах перерастает повседневность с её рутинным социальным и житейским опытом.

3) Новые мифы (новые сюжеты мифов) рождаются не в недрах архаической народной общности, а в ситуации отъединённости и одиночества современного человека.

4) Вместо «культурного героя», приносящего блага цивилизации, новая мифология часто выдвигает тип антигероя, рвущего пути цивилизации, общезначимых предписаний морали и рассудка [1, с. 224].

В произведениях, использующих материал античного мифа, авторы, как правило, либо занимаются реконструкцией мифологических сюжетов, либо включают отдельные мифологические мотивы и персонажей в реалистичный контекст.

И. Н. Зайнуллина установила, что миф выполняет следующие функции в художественных произведениях:

- моделирующую (творение мифологического мироощущения, атмосферы мифа в обыденной ситуации);

- философскую (идеи вечной цикличности, «вечного возвращения» либо вечной абсурдности бытия);

- структурирующую (множественность точек зрения, как следствие – расщепление мифологического образа на множество инвариантов);

- поэтическую (определяющую характер стиля повествования, строящегося на пересечении высокого и низкого, прозаического и возвышенного, книжного и научного дискурсов) [15, с. 18].

К мифу писатели обращаются сознательно – как к инструменту художественной организации накопленного опыта. При разной тематике и проблематике произведений цель мифологизирования – одна: осуществить переключку времен, «выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления ... общечеловеческого содержания» [23, с. 9], «посредством проверенных моделей и схем ... переосмыслить современную действительность, глубже проникнуть в суть явлений» [15, с. 18], заставить «мир архаики и мир цивилизации объяснять друг друга» [1, с. 224]. Даже в произведениях, целиком построенных на мифологических сюжетах и образах, авторы не уходят от реальности, а лишь сознательно остраиваются от нее, чтобы проецировать опыт прошлого на современность: «кому же в наш далекий от наивности век неведомо, что к старым сказаниям прибегают не просто так, что они – маскарад, эзопово иносказание, ... всеобщая оболочка достаточно очерченных в своих границах исторических запросов» [11].

С 90-х годов XX века в русской литературе появилось значительное количество произведений, построенных на античном мифе. Остановимся на некоторых из них.

У романа Василия Аксенова «Москва-ква-ква» (2006) сложная структура, вобравшая «элементы исторического, социального, фантастического, футурологического, авантюрного романов» [18, с. 81], там есть и ностальгия автора по молодости, и разоблачение советской утопии, и городские легенды, и авантюристы, и романтика, и ирония, и все это нанизано на стержень античного мифа о Тезее. Это роман о закономерной гибельной судьбе элиты советской интеллигенции в условиях тоталитарного режима. Действие происходит в последний год правления Сталина. Главные локации повествования – высотка на слиянии Яузы и Москвы-реки, символ столицы и всей страны, и резиденции Сталина, Кремль и ближняя дача вождя, – ассоциируются с мифическим лабиринтом, в котором скрывается Минотавр – «отец народов», создавший «самый невероятный в истории

жертвенник людей». Главный герой, Кирилл Смельчаков, обласканный Сталиным поэт и герой Союза, пишет поэму о Тезее, мечтающем освободить мир от страшного чудовища. У поэмы открытый финал: неизвестно, победит ли герой Минотавра, отыщет ли выход из лабиринта. В романе Смельчаков и есть Тезей своего времени, идущий «в темноте к черноте. Он идёт, сам точно не осознавая куда, но идёт и там погибает» [3]. Героиня романа по имени Ариадна спасает от «чудовища» не Тезей: другой персонаж, Так Такович, молодой, не замаранный подачками власти, alter ego автора, избегает с ее помощью ареста КГБ и, спустя годы после того, как рассеивается «чернота черноты», рассказывает нам эту историю. Что касается судьбы Минотавра, то, по версии автора, его невольно убивает дочь Ариадны, Гликерия, подарив вождю отравленную шаль, и гибнет при этом сама. Здесь еще один античный мотив (смерть Геракла и Деяниры) пересекается с библейским (на Гликерии лежит первородный грех и приношение в жертву ее жизни неизбежно). В. Аксенов создает в текстовом пространстве сложный конгломерат: свой вариант «советского» мифа он соединяет с античной и библейской мифосистемами [18].

Роман Гоар Маркосян «Пенелопа» (1998) – реалистическое повествование с модернистскими и постмодернистскими элементами. Главная героиня – армянская девушка с именем из греческого мифа совершает свою «одиссею», вернее «пенелопиаду» по Еревану, по друзьям и родственникам, от дома к дому в декабрьский день 1994 года с вполне прагматической целью – принять душ – в декорациях блокадного послевоенного города, где не работает центральное отопление, нет газа, электричество подают только на три часа в сутки – словом, царит полная бытовая неустроенность, близкая к катастрофе. Такова фабула, а сюжет этого пронизанного иронией произведения вобрал в себя огромное количество исторических и литературных аллюзий, чувств, переживаний, размышлений героини о прошлом, настоящем и будущем страны, о демонстрациях и волнениях, сопровождающих первые годы национальной независимости, о

семье и традициях, и в этой мозаике отразился непридуманый мир постсоветского Еревана, в котором надо уметь выживать. Как и античная героиня, ереванская Пенелопа ждет любимого мужчину с войны: ее Армен – хирург, и его умениям нашлось применение а Карабахе. А в отсутствие Одиссея пытается добиться руки Пенелопы успешный бизнесмен Эдгар-Гарегин, и как античная верная жена армянская Пенелопа делает безошибочный выбор между честью и материальным благополучием.

Рефлексия героини составляет основу ее существования и наполняет роман, в котором «блокадное послевоенное состояние страны участвует в повествовании в качестве "массовки", а на первый план выдвигается игра – языковая, литературная, игра с собственным сознанием, игра как констатация жизни» [2, с. 100].

Г. Маркосян опирается на античный миф и проводит параллель с «Улиссом» Дж. Джойса. Один день из жизни женщины разрастается до «одиссеи» – путешествия от человека к человеку, со своими «чудесами» (здесь и вода воспринимается, как чудо, и тепло родного дома, сохранившееся вопреки коммунальной разрухе – ведь главное, что здесь тебя любят, и витальный дух несломленной нации), и странствия по волнам памяти, и кругосветки по текстам русской и мировой литературы. Из античного имени в названии романа, мифологических мотивов странствия и ожидания рождается авторский миф, воспевающий величие жизни и тех, кто умеет выживать.

Драма Виктора Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005) – это постмодерновое переосмысление мифа о герое, рискнувшем в одиночку справиться с ужасным чудовищем критского лабиринта и положить конец многолетним страданиям своего народа.

Текст представляет собой интерактивный полилог в виртуальном пространстве между восьмерыми участниками, представителями различных слоев общества, не знакомыми друг с другом, невесть как оказавшимися в неизвестных реалиях –лабиринте – и объединенных одной целью – спастись

от неуловимого коварного Минотавра. Мотивы греческого мифа соединяются у В. Пелевина с элементами скандинавской мифологии. Некоторым персонажам даны ники героев мифа, некоторые названы именами литературных героев, группа персонажей имеет странные прозвища, все эти ники обыгрываются по ходу пьесы, превращаясь в характеристики своих обладателей. В какой-то момент появляется Тесей, и тогда из первых букв псевдонимов персонажей складывается и тут же рассыпается имя Минотавра.

Для читателя текст тоже становится лабиринтом, предполагающим множество интерпретаций, путь к которым неочевиден. Самый легко обнаруживаемый вариант высказывает критик П. Басинский: «Интернет – это лабиринт, в котором якобы обитает Минотавр, способный нас пожрать, но на самом деле Минотавр живёт в нас самих. Избавься от своего Минотавра, и Интернет станет обычным информационным и коммуникативным инструментом» [7]. Можно рассматривать этот текст и как «пост-экзистенциалистский миф ... о фатальном одиночестве человека и заброшенности его в этот мир» [4]. Еще один вариант (буддистский) дает А. Верницкий: «Учитывая, что в начале пьесы герои обнаруживают себя запертыми и описывают свою ситуацию как поиск выхода, а в конце пьесы говорят о рождении ребенка и хор их голосов сливается в детский плач, можно заключить, что "Шлем ужаса" – это пьеса, персонажами которой являются разные грани одной личности, а описываемый в ней промежуток времени – это время перед рождением человека. ... Части личности ... естественным образом притягиваются друг к другу, стараясь вызвать к жизни новую личность, в которой они все соединятся. Эта личность и есть Тесей, о необходимости прихода которого персонажи говорят на протяжении всей пьесы: его появление должно совпасть с их выходом из лабиринта. В конце пьесы Тесей на мгновение появляется, но тут же снова распадается. Таким образом, Пелевин описывает радостное для буддиста событие: рождение просветленного человека» [12]. Однако, учитывая проблематику ранее опубликованного романа В. Пелевина «Generation П» (манипуляции с

сознанием, являющиеся основным методом рекламы и телевидения), наиболее важной стоит признать другую версию А. Верницкого – о разоблачении манипуляции массовым сознанием пользователей Интернета с помощью информационно-коммуникационных технологий. В. В. Брызгалова подробно и убедительно развивает эту версию, анализирует сущность, методы и приемы технологии манипулирования, раскрытые В. Пелевиным, роль каждого персонажа в реализации технологии манипулирования (например, Ариадна является исполнителем манипуляционных действий) и эффективность этой технологии. «Условие успешной манипуляции заключается в том, что большинство современных людей служит пассивным объектом информационного воздействия, ... манипуляция сознанием – это взаимодействие, и жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как соучастник» [10].

О. Ю. Анцыферова отмечает, что В. Пелевин интегрировал в пьесе три формы мифологизирования [4, с. 7]: внедрил в ткань произведения мифологический сюжет и образы, переосмыслив их в постмодернистском ключе, при этом мифологические элементы (имена героев, их роли, фрагменты фабулы, локация) не являются единственной составляющей текста, и создал авторский миф. Рождение авторского мифа начинается с названия произведения – «креатифф», – которое настраивает читателя на игру, на то, что заурядные вещи и события действительности приобретут новую трактовку, откроются с неожиданной стороны. Текст превращает автора в культурного героя: «На самом деле, если приглядеться, Пелевиным покажется... каждый из восьми персонажей. ... "Шлем ужаса" – это ведь автопортрет Пелевина, просто исполненный в пикассовской манере, из деформированных осколков» [14].

Модернистский роман Светланы Богдановой «Сон Иокасты» (2000) – авторская версия мифа об Эдипе. Вынесенное в заголовок имя Иокасты и определение жанра в подзаголовке (роман-антитеза) предупреждают читателя «о том, что при сохранении внешнего – канвы, сюжета, структуры

<мифа>, внутреннее – мысли, чувства, поступки и их последствия – будут трансформированы и видоизменены» [6]. Текст С. Богдановой построен на противопоставлении трагедии Софокла, в которой Эдип и Иокаста, узнав правду о невольном совершенном ими преступлении, добровольно принимают ответственность за него: Иокаста убивает себя, Эдип ослепляет себя и отправляется в изгнание. В романе находим следующие новации: «кровожадная Сфинкс – это Иокаста, надевающая страшный наряд, прячущая лицо под маской и мстящая по воле Геры мужу, отнявшему у нее новорожденного сына. Побежденная Эдипом Сфинкс-Иокаста впадает в вечный сон, и снится ей прекрасный плавучий остров, родина Аполлона и прорицателя Тиресия (так в романе). Эдипу в жены достается не Иокаста, а пустой кокон, тело, лишенное души. Узнав страшную правду о своем рождении, он обретает свободу от действительности и, лишенный тени, тяжести, веса, покидает свой дворец и свое время» [25]. Кульминацией становится не ослепление Эдипа, а его уход в другую реальность, которая явлена и Иокасте в ее снах – на тот плавучий архипелаг, жители которого не зависят от тел, и потому не имеют теней, и правдивы, и наделены даром предвидения. Так современный автор освобождает героя от ответственности за то, что он совершил не по своей воле.

С. Богданова акцентирует страдания Иокасты, потерявшей ребенка, «истекающей тоской материнской груди», и соотносит их со страстями Пречистой Девы христианского мифа. В финале романа Эдип обретает возможность передвигаться по воздуху и ему видится незнакомый дворец с окнами в виде узких продолговатых арок, в одной из которых на чудесном кристалле «была нарисована печальная женская фигура – Иокаста? – держащая в руках уснувшего дитя – Эдипа? – оба они, и мать, и ребенок, сидели верхом на осле (...); осла того вел старик, лицо его было морщинисто и измученно» [9]. По всей видимости, витраж с изображением сцены бегства Святого семейства в Египет указывает на то, что Эдип переродился в Христа [8], а греческий миф получил продолжение в библейском.

Авторы рассмотренных произведений используют общие приемы:

1) включают в заглавие мифологическое имя-сигнал, которое «становится ключом к интерпретации, задает "формулу" текста, установку на соотношение образов, сюжетных ситуаций с общеизвестным мифом» [15, с. 17];

2) наделяют героев именами мифологических персонажей, создавая при этом альтернативные образы;

3) вносят изменения в известный мифологический сюжет, «переобъясняют» его, либо используют отдельные мотивы мифа, подчиняя их своей стратегии;

4) наделяют художественное пространство свойствами мифологических локаций;

5) используют игру с элементами мифа, сохраняя его внешнюю структуру, но переосмысливая содержание.

В результате рождается новый миф, цель которого – объяснять историю (как у В. Аксенова), фиксировать настоящее (как у Г. Маркосян), предупреждать и разоблачать (как у В. Пелевина), успокаивать и дарить гармонию (как у С. Богдановой).

Рассмотрим теперь, как реализуется миф в «Мифологических рассказах».

Во всех «Мифологических рассказах» реконструируются сюжеты мифов, но современный хронотоп и герои присутствуют только в одном («Вертумн и Помона»), в остальных текстах герои античных мифов не покидают свое пространство и время. «Мифологические рассказы» написаны в реалистической манере с элементами психологизма по отношению ко всем персонажам, включая антропоморфных богов, но с учетом мифологического сознания героев (кроме тех, что являются нашими современниками).

Три рассказа – «Каллисто», «Эхо» и «Ариадна» – озаглавлены именами женских мифологических персонажей и представляют истории любви, каждая из которых трагична. Тексты рассказов содержат интернет-

ссылки на картины известных художников прошлых веков. Таким образом, читатель может считать их иллюстрациями к рассказам. А может рассказы считать своеобразным эксфрасисом к этим картинам. В качестве источника материала о судьбе Каллисто и Эхо выступают «Метаморфозы» Овидия. Современный парафраз мифов использует античную фабулу, не перестраивая ее, но расставляя акценты в соответствии с замыслом автора. История Тесея и Ариадны, рассказанная Аполлодором [5, с. 75 – 76], легла в основу рассказа, но часть мотивов, касающаяся тайны Минотавра и романтических отношений героев, переосмыслена. Интенция автора – показать непреодолимые силы, препятствующие осуществлению женского счастья.

Рассказ «Каллисто» поделен на три части, в каждой из которых разные рассказчики представляют свою точку зрения на события и разоблачают себя без тени смущения. Помыслы каждого из них эгоистичны, но наивная восторженность влюбленной Каллисто не умножает зло в мире, в то время как похоть вожделеющего Зевса без оглядки рушит жизнь случайного смертного, а зависть и злорадство Бритомартиды приводят к предательству и трагической развязке. Боги изображаются как избалованные властью и вседозволенностью люди, они живут страстями и личными интересами, пользуются своим могуществом в корыстных целях, к людским судьбам они равнодушны. Люди обязаны повиноваться богам, они не могут ни обсуждать, ни обжаловать поступки и решения высших существ.

Смертная девушка Каллисто способна на искреннюю бескорыстную любовь, но осмелившись желать запретное, она ставит себя наравне с богами, что по законам античного мифа является кощунством и подлежит наказанию.

Итак, причиной несчастья Каллисто является бесправие смертных перед высшей властью.

В рассказе «Эхо» героиня отдает свою жизнь, чтобы спасти жизнь любимого, но ее жертва напрасна. Нарцисс случайно попал в ситуацию, в которой пророчеству о его гибели суждено сбыться. Эхо случайно встретила Нарцисса и полюбила. Над ним висел Рок, она хотела его спасти, решила

переписать судьбу, одолеть ее, и сама стала жертвой Рока. Не помогла даже Афродита, богиня любви. Но боги тоже бессильны перед судьбой.

Итак, Эхо погибла, потому что дерзнула спорить с судьбой.

В рассказе «Ариадна» мифологические персонажи Ариадна, Минотавр играют иные роли, нежели те, что приписаны им традицией, а Тезею отводится миссия героическая.

Минотавр, всегда олицетворявший силы природы, которые смог победить человек-герой Тезей, оказывается разумным существом, способным строить коварные планы. Он мечтает разрушить Лабиринт и захватить власть на Крите. Но Минотавр нечто большее, чем жаждущий власти хитрец. Он наделен даром убеждения и собирает вокруг себя секту фанатиков, безоговорочно преданных ему. Полубык становится пастухом людского стада, афиняне-пленники ему поклоняются, как божеству. Минотавр здесь чудовище-человек, а не чудовище-зверь, и жестокости и расчетливости он научился у людей. Минотавр воплощает начало человеческое, но эта сторона его натуры темна, состоит сплошь из пороков.

Ариадна в мифе – спасительница-помощница, она полюбила героя, благодаря ей Тезей смог выбраться из лабиринта. В рассказе Ариадна и Минотавр поменялись сутью. Ариадна представляет животное начало, это женщина-самка, которая подчиняется инстинктам, а не разуму. Между Тезеем и Минотавром девушка, не колеблясь, выбирает последнего, как более сильного самца. В своей страсти она преступает все мыслимые человеческие нормы. Итак, зло находится в самой героине, она позволяет животному началу в себе одержать победу над человеческим.

Тезей молод, наивен, мечтает спасти Афины от дани и верит в рассказы о Минотавре. Открывшиеся ему животное начало в Ариадне и человеческие пороки в Минотавре пугают юношу. Тезей понимает, что не знает ни мира, ни любимой девушки, ни самого себя. Тезей – человек, который блуждает в Лабиринте и должен усмирить оба начала – и животное, и человеческое.

Но вернемся к причинам несчастья женщин греческого мифа. Героини бросают вызов – власти, судьбе и человеческой природе – и терпят поражение либо от сил, которые находятся за пределами человеческого влияния, как Каллисто и Эхо, либо от сил, с которыми не могут справиться внутри себя, как Ариадна.

Мифологические имена в заголовке рассказа «Вертумн и Помона» настраивают ожидания читателя на гармонию и любовь, как у Овидия в мифе о союзе богов плодородия. Бог времен года Вертумн, отчаявшись добиться взаимности богини садоводства Помоны, приходит к ней в облики старухи, завоевывает ее доверие и убеждает красавицу согласиться на брак. У современных Вертумна и Помоны все могло бы быть так же. Но читатель будет обманут в своих ожиданиях.

Новая Помона-Марго – урбанистическое дитя. Ее сады нарисованы на старых обоях. Ей в тягость весенняя непогода на открытом пространстве, зато метро – чудесное место, где можно отдохнуть от стихии. То, что, по идее, должно вызывать раздражение, доставляет героине удовольствие: грохот поездов, скрежет металла, запахи резины и сырости. Марго противопоставлена всему миру, у нее нарушена связь с «корнями»: матери нет, а отец женился снова и вычеркнул дочь из жизни. Попытка как-то «укорениться» приводит к случайной «виртуальной» дружбе в социальной сети с Сандрой, тоже потерявшей связь с близкими – взрослыми детьми. Марго и Сандра обретают друг в друге то, чего им недостает: одна рада вниманию и заботе, другая находит объект для нежности.

Однако, в соответствии с мифологическим каноном, «женщиной в сети» оказывается друг детства героини, уставший находиться во «френдзоне» и не знающий, как ему добиться взаимности от девушки. Марго со временем раскрывает личность «подруги», но предпочитает ничего не менять. Признание привело бы к объяснению, а оно в свою очередь – к необходимости принимать решение.

Герои рассказа боятся своей настоящей жизни, прячутся за обманом, за масками. Одна существует чужой заботой, другой подпитываются чужими чувствами. Несчастье заставляет Макса-Вертумна раскрыть свой невинный обман, но вместо соединения случился разрыв: к этому моменту герои «высосали друг из друга все соки», их отношения обречены.

«Вертумн» уходит от «Помоны». Хронотоп в последней сцене подчеркивает отчуждение героев: за окном ночь, в которой все растворяется, на стене – старые часы, которые вот-вот остановятся, и наступят пустота и безвременье.

Так миф о красивой любви становится каркасом для истории о несбывшихся надеждах, одиночестве и тоске по утраченному времени.

Текст «Жребий Ахилла» посвящен герою Троянской войны, самое раннее упоминание о которой дошло до нас в эпосе Гомера «Илиада». Поэма Гомера открывается эпизодом, связанным с Ахиллом – его ссорой с главным вождем греческого войска Агамемноном, а заканчивается смертью главного защитника Трои – Гектора в поединке с Ахиллом. Ахилл – один из главных персонажей «Илиады», самый могучий воин греков: он наводит ужас на троянцев, ибо там, где герой появляется, он один решает исход боя, без помощи других воинов. Ахилл знает, что погибнет под Троей, но смело принимает такую судьбу. Смерть Патрокла приводит его в ярость, и он жестоко мстит его убийце. Однако Ахилл, сам переживший потерю друга, способен сострадать чужому горю, его трогают слова Приама, оплакивающего Гектора, о Пелее, он отдает ему тело сына. Для Гомера Ахилл – воплощение героической доблести, его жестокость и необузданный гнев не нуждаются в оправдании. А. Ф. Лосев считает гомеровского Ахилла «одной из самых сложных фигур всей античной литературы», его главные черты – «антитеза сурового бойца и нежного сердца», «особая благородная печаль» [19, с. 279 – 283]. Гомеровский Ахилл явился ориентиром при разработке образа героя в «Жребии Ахилла». Информацию о юности героя,

его семье, об обстоятельствах гибели находим у Аполлодора [5, с. 68 –70; 80 – 88].

Текст «Жребий Ахилла» написан от лица главного героя. Тень Ахилла вызвал из царства мертвых безымянный слепой поэт, который намеревается создать поэму о Трое. Ахилл готов поведать ему правду о войне. Пребывая в вечности, он переосмыслил свою земную жизнь, и теперь вправе говорить о цене бессмертия.

Фабула мифа в рассказе в целом сохранена, но отдельные эпизоды имеют новую трактовку и добавлены новые события. Изменения заключаются в следующем:

- ссора Ахилла с Агамемноном происходит из-за того, что Ахилл отпустил захваченных им детей Приама, и за ней не следует отказ Ахилла участвовать в битвах, как у Гомера, где главный вождь греков оскорбляет честь великого воина, отнимая его добычу – плененную им Брисеиду;

- Ахилл не участвует в военных действиях из-за болезни, которую наслал на греков Хрис, жрец храма Аполлона, разграбленного отрядом великого воина;

- в то время как Ахилл лежит при смерти, Патрокл надевает его доспехи и устраивает военную вылазку, чтобы не только утешить троянцев, но и выйти наконец из тени великого воина и самому прославиться;

- Ахилла излечивает от смертельной болезни Фетида и ему сообщают о смерти Патрокла;

- Ахилл мстит Гектору за смерть друга и только после поединка узнает от Менелая о том, что Патрокл по сути предал его, бросив без помощи умирать;

- потрясенный смертью, а затем предательством друга Ахилл понимает, что война, которую ведут греки, ведет только к жертвам с обеих сторон и переходит на сторону троянцев, чтобы вынудить греков к перемирию;

- в Трое Ахилл встречается с Поликсеной и понимает, что больше его не влечет слава великого воина, и, пожалуй, лучше войти в историю великим миротворцем и прожить долгую жизнь с любимой женщиной;

- тень Ахилла находит успокоение в Элизиуме, где он воссоединяется с Поликсеной.

Внесенные правки позволяют объяснить эволюцию принципов, взглядов и убеждений Ахилла, его нравственное обновление, сделать созвучным образ мыслей героя в отношении «вечных тем» представлениям современного человека.

В отрочестве Ахилл узнает, что ему предстоит самому выбрать свою судьбу, но вариантов только два: яркая, но короткая жизнь героя и бессмертная слава великого воина в памяти потомков либо бесславная долгая жизнь обычного человека и никакого бессмертия. Юный Ахилл эгоцентричен, самоуверен и подвержен подростковому максимализму. Он видит истинную цель жизни в обретении славы и счастлив, когда ему пророчат воинские успехи. Вместе с тем, он искренне привязан к отцу Пелею и его воспитаннику Патроклу. Проходят годы, и он только укрепляется в желании прославиться победами и готов ради этого погибнуть.

К моменту, когда истекли девять лет стояния греческого войска под Троей, мало что изменилось в мировосприятии Ахилла. Он теперь опытный воин, немного уставший от безделья, но по-прежнему безжалостный к врагу. Настолько безжалостный, что готов убивать безоружных в храме.

Встреча с Поликсеной заставляет его задуматься о природе бесстрашия: воин с оружием признает, что хрупкая девушка отважнее его. Он впервые тогда проявляет милосердие.

Постепенно Ахилл начинает понимать, что он лишь орудие в руках предводителя греческих войск Агамемнона, да и цель войны вовсе не восстановление справедливости – возвращение похищенной супруги Менелая, цель царя Микен – завоевание и разграбление чужой территории, порабощение ее населения, возвышение личного могущества Агамемнона.

Ссора Ахилла с главным вождем из-за сознательного неповиновения ему, болезнь Ахилла, в которой он ощущает физическую слабость, как обычный человек, и близость смерти, которая выявляет, что никаких подвигов, достойных вечной славы, он не совершил, меняют его отношение к войне. Он не может не отомстить за смерть друга, но поединок с Гектором, в котором тот проявляет себя как равный Ахиллу по силам и бесстрашию, заставляет его проявить уважение к телу лучшего из троянских воинов. Узнав о предательстве Патрокла, Ахилл сожалеет о том, что отнял жизнь Гектора. Он больше не хочет воевать, он решает стать тем, кто прекратит кровопролитие.

Ахилл переходит на сторону троянцев, справедливо полагая, что это изменит баланс сил и вынудит греков к перемирию. Теперь великий воин говорит себе, что выбрал мирную, пусть и безвестную жизнь, однако даже от себя скрывает, что все еще мечтает о славе – уже не воина, но примирителя народов.

В финале истории судьба настигает героя, возмечтавшего получить и долгую жизнь, и славу, и саму Трою: в день, когда греки уже готовы объявить о капитуляции, Парис убивает Ахилла.

Роли второстепенных персонажей рассказа «Жребий Ахилла» тоже пересмотрены.

Елена лишена ореола неземной красоты, она не только внешне напоминает статую, но и жизнью своей не распоряжается.

Гомеровский Парис, физическая красота которого – его единственное достоинство, а вот мужскими качествами в характере – отвагой и честью – он обделен, превратился в рассказе в обрюзгшего пьянчужку, труса и подлеца, презируемого семьей.

В «Илиаде» Патрокл – близкий друг, почти брат Ахилла, глубоко преданный ему. В рассказе Патрокл – хитрец и приспособленец. Он терпит Ахилла до тех пор, пока ему выгодно, втайне завидуя и мечтая занять его место.

Поликсена представлена как антипод Елене. Измена Елены послужила поводом к войне. Брак Ахилла с Поликсеной должен ознаменовать окончание войны. Поликсена обладает здравым смыслом и сильным характером. Именно ее храбрость заставила Ахилла впервые задуматься о том, в чем заключается истинная доблесть воина.

Гектор появляется в рассказе лишь в одной сцене. Как и у Гомера, он лучший воин Трои, самый надежный ее защитник и благородный противник Ахилла.

Противоречивость гомеровского Агамемнона в рассказе снята: он дальновидный, но жестокий политик, не упускающий своей выгоды ни в какой ситуации. Менелай, в отличие от старшего брата, мягкий человек, справедливый правитель, но слишком часто позволяет Агамемнону принимать за себя решения, его уступчивость наносит ущерб не только ему самому, но всем, кто пострадал от войны.

Есть еще один главный герой в рассказе – слепой аэд. Он юн, романтичен, наивен. Для него получить заказ сложить поэму о Троянской войне – удача и честь одновременно. Его можно рассматривать как двойника Ахилла. Восторженный и верящий сказаниям, он, как и Ахилл, постепенно понимает, слушая великого воина, что в жизни все не так, как в песнях, и правда разочаровывает его. Ахилл приглашает его вместе пройти путь от сомнения к осознанию правды. Вторую часть пути – от осознания к принятию правды – Ахилл и сам еще не преодолел. Уже находясь в Элизиуме и прозрев пустоту своей земной жизни, Ахилл размышляет с Менелаем и Поликсеной об уроках Троянской войны, которая унесла множество жизней и, по сути, ничего не дала грекам. У Ахилла своя правда о Трое, но Менелай, проживший земной жизнью до старости, знает, что о войне уже слагают красивые предания, и благодаря им война останется в памяти потомков.

При написании текста применялся прием демифологизации: например, Ахилл иронически упоминает о трехкратном пробеге с Гектором

вокруг стен Трои, как о небылице; Парис поднимает руку на Елену; смерть Ахилла получает вполне рационалистическое обоснование: стрелы Париса смазаны ядом, и потому даже ранение в пятку будет смертельным; боги, активно участвующие – по Гомеру – в Троянской войне (Гера, Арес, Гефест, Гермес, Аполлон, Афина, Афродита), не присутствуют на поле битвы и не помогают персонажам, даже таким своим признанным любимцам, как Ахилл и Одиссей. В то же время существа божественного происхождения – Фетида, Хирон, Скамандрий – вносят существенную лепту в жизнь Ахилла. В качестве примера приема ремифологизации укажем форму присутствия главного героя в повествовании – тень, вызванная аэдом из царства мертвых, и возможность коммуникации тени Ахилла с певцом.

Мифологический материал в тексте «Жребий Ахилла» позволяет коснуться «вечных тем» – о смысле жизни, о любви, смерти и бессмертии, о войне и людской памяти – и показать, как из исторической правды рождается красивый миф.

Подводя итоги обзора современных мифологизирующих произведений, можем констатировать, что мифологический материал присутствует в них на всех уровнях и формах – авторы используют и имя, и персонаж, и фабулу, и мотив – и в той или иной степени всегда изменяется с целью отражения современной проблематики, которая может звучать явно или существовать имплицитно. Миф в этих произведениях выполняет моделирующую, структурирующую, философскую и поэтическую функции. К особенностям современных мифологизирующих произведений можно отнести обращение в одном тексте к разным мифологическим системам (античной и библейской, античной и скандинавской и др.) и другим видам искусства (живописи), а также усиление роли женских мифологических персонажей: выдвигание их на первый план либо превращение из объекта (предмета) любви в субъект действия.

ГЛАВА 2 ЦИКЛ «МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ»

ЖЕНЩИНЫ ГРЕЧЕСКОГО МИФА

Каллисто

1

<https://gallerix.ru/storerroom/1056799967/N/1925831227/>

С детства я любила тенистые рощи, а не душные палаты, леса, а не дворцы. Мой отец был царем, но дворцовая жизнь тяготила меня. После того, как покарали боги, трон занял один из моих многочисленных братьев, а я получила чуть больше свободы. Тогда я еще не знала, какой судьбы себе хочу. Брат отличался мягким характером и не собирался принуждать меня к скорому замужеству, хотя рано или поздно это должно было случиться, и я стала бы разменной монетой в политической игре.

Мы с братом часто вместе охотились. Это была моя любимая забава. И в тот день, когда моя жизнь изменилась, мы отправились на охоту. В поисках зверя мы разбрелись по лесу, и я не заметила, как оказалась в чаще. Уже думала, что заблудилась, но вдруг услышала плеск воды и женский смех. Быть может, купальщицы пришли из ближней деревни и помогут мне выбраться отсюда?

... Она плавала в маленьком озере. Ни на мгновение я не могла бы принять ее за смертную, о нет! Среди смертных не может найтись столь совершенное, столь прекрасное создание. Я видела гибкое молодое тело, золотые волосы, стянутые в узел, тонкие руки, то и дело мелькающие над водой. У смертных дев нет такой грации, их тела не столь идеальны. Я невольно подалась вперед, но оступилась и вскрикнула. Дева обернулась на шум, и я увидела, что венец на ее голове украшен полумесяцем. Мне сразу стало ясно, кто она. Я упала на колени – не потому, что боялась, как бы она не покарала меня, а потому, что в тот момент я испытала странное и сладкое желание вечно служить ей, только ей.

– Я надеялась, мой отдых никто не потревожит, но смертным еще удается застать меня врасплох, – голос у нее был высокий, приятный. Чувствовалось, что по ее губам скользнула улыбка.

Я склонилась еще ниже, хотя желала бы не отрывать взгляд от ее лица.

– Прости меня, владычица, это вышло случайно. Я отбилась от охоты брата и набрела на это озеро.

Она рассмеялась, вышла из воды, потянулась за одеждой.

– Ах вот как! Значит, ты у нас отважная охотница! – и усмехнулась вновь.

– Не столь отважная, как ты, госпожа, но я могла бы достойно служить тебе, – не знаю, как у меня хватило смелости это сказать.

На это раз она не усмехнулась.

– Ты бы хотела мне служить?

Хотела бы я? Хотела бы? О да!

– Да, госпожа, – и добавила, чтобы мои речи казались убедительными, – мой брат – царь. Он любит меня, но мне уготован брак по расчету. А я хочу сама распоряжаться своим телом и своей судьбой.

Она оглядела меня с ног до головы, покачала головой, что-то прикидывая.

– Что ж... Если твое желание крепко, приходи в этот лес в полнолуние. Принесешь мне клятву верности, и я приму тебя в свиту. Но запомни: мои охотницы клянутся навеки отречься от мужчин и от любви вообще. Сможешь ли ты сдержать такую клятву и не предать меня?

Предать ее? Как могу я задуматься о мужчинах, даже на мгновение после того, как увидела ее – такую прекрасную – в этом лесу?

– Я сдержу клятву. Я не предаю тебя.

Она кивнула.

... Мне не пришлось искать дорогу, я просто об этом не думала: ноги сами вели меня. Брату об этой встрече я ничего не сказала. Я не боялась

разлуки с ним и с трепетом ждала сизигии. В ночь, когда луна стала полной, я выскользнула из дворца...

С тех пор я стала преданно служить ей. Я выполняла ее поручения со всем усердием, на какое была способна. Если бы она велела мне вынуть собственное сердце из груди, я без колебаний сделала бы это, ведь мое сердце и так уже принадлежало ей. Иногда я позволяла себе самые безумные, самые кощунственные мечты, но понимала, что им не сбыться. Ее девы должны быть чистыми, а я пришла к ней со страстным желанием. Но если мои помыслы и пропитаны страстью, моя госпожа никогда не узнает об этом, а телом я ее не оскорблю. Я не предаю мою богиню!

2

<https://gallerix.ru/storeroom/1419628688/N/3101341901/>

Я давно присматриваюсь к этой девчонке, Каллисто, из свиты моей диковатой дочери Артемиды. С момента моего последнего веселого приключения – кто же это был? Семела, да прелестная Семела! – прошло около десяти лет. Это не столь уж большой срок для олимпийца, но провести десяток лет, деля ложе только с женой, – непосильное дело даже для бессмертного.

Я еще помню, как отец Каллисто, царь Ликаон, решил испытать мое всеведение: предложил угадать, что лежит в закрытой корзине. Там было тело казненного им раба. В былые дни я бы обрушил на эти земли потоки воды, и все его царство смыло бы навеки, но после истории с Прометеем я стал более рассудителен и наказал только Ликаона. Я обратил его в волка, потому что в нем было больше звериного, чем человеческого, а гордыня его была так велика, что он возомнил себя равней с бессмертными. Не пошла ли девчонка нравом в отца? Если так – и она будет наказана.

Я решил, что она будет моей. Конечно, Гера опять устроит мне некрасивую сцену с проклятиями, но... Красота Каллисто стоит того, чтобы вытерпеть не одну такую истерику.

Я наблюдал за ней уже много месяцев. Захватить врасплох одну из охотниц Артемиды – задача не из простых. Они всегда держатся вместе, а если и разбредаются по лесу, то бросаются прочь, стоит какому-нибудь сатиру или смертному к ним приблизиться. Я бы мог принять иное обличье, только знать бы, какое, чтоб она не устояла. Признаться, размышляя над этим, я стал небрежен даже к Олимпийскому совету. Но мое упорство всегда, рано или поздно, бывает вознаграждено.

Всякий раз, когда Артемида со своими охотницами устраивались на отдых после погони за зверями, Каллисто держалась в стороне от подруг и неотрывно и нежно смотрела на свою предводительницу. О, я знал этот взгляд. В нем смешались пылкое желание и безмолвное обожание. Примерно так я смотрел на Геру... очень давно – когда хотел, чтобы она стала моей женой.

Увидев в первый раз это пламя в глазах Каллисто, я подумал было предупредить дочь:

– Моя дорогая, собирая свиту дев-охотниц, ты надеялась обезопасить себя от вожделения мужчин, но кое-кто из твоего ближнего круга желает тебя не менее страстно, чем любой из них.

Но когда я убедился, что страсть Каллисто не мимолетна, мой план созрел сам собой. Теперь я уже ничего не собирался говорить дочери. Требовалось только дождаться, когда Артемида решит навестить брата и покинет на время свою свиту, а Каллисто снова уединится на отдыхе.

Это момент настал. Я увидел с Олимпа рощу, где остановились охотницы. Каллисто прилегла на траве у ручья. В тот же миг я орлом слетел на землю и спрятался за деревьями. Затем сменил обличье. Теперь никто не отличил бы меня от Артемиды: на золотых волосах – венец с полумесяцем, легкая туника, за спиной – лук и колчан. Вышел из-за деревьев, приблизился к ней:

– Каллисто! Тебе не нужна компания подруг?

Она вскочила, поклонилась:

– Госпожа!

Я обошел ее кругом. Она почтительно смотрела на меня.

– Я давно отмечаю твою преданность мне, Каллисто. У меня еще не было столь надежной спутницы.

Ее щеки вспыхнули, синие глаза засияли.

– Благодарю, моя госпожа!

Ишь, как зарумянилась: думает, это Артемида хвалит ее.

– Ты хорошая помощница: исполнительна, стремишься мне угодить.

Это похвально.

Кладу руку ей на плечо.

– Ты ведь любишь свою богиню, Каллисто?

Она смущенно отводит взор. Не знает, как ответить на вопрос, чтобы не выдать истинные чувства.

– Разумеется. Жрице следует любить свою богиню.

– А ты могла бы любить меня не как Жрица? Достаточно ли сильно ты меня любишь, что видеть во мне не только богиню?

Она изумленно смотрит на меня. Должно быть, втайне она мечтала услышать такое от своей богини с первой охоты. Обнимаю ее за плечи, целую трепетные губы. Когда наши лица соприкасаются, по ее телу пробегает дрожь. Она нежно обнимает меня.

– Да, я люблю свою богиню, – шепчет она.

Тут я возвращаю свое обличие, она оказывается в моих крепких руках, понимает, что я вовсе не Артемида.

– А своего владыку? Его ты полюбишь, прелестница?

Она закричала, попыталась вырваться, но куда там! Я только крепче схватил ее и прижал к себе. Она звала на помощь, но я-то знал, что мы слишком далеко от лагеря.

– Нет, не надо кричать, красавица, только голос сорвешь. Ну не смотри так гневно и испуганно, – прижимаю ее еще крепче к себе, срываю покров с одного плеча.

– Не упрямясь, и мы хорошо проведем время!

Но она продолжала отбиваться, пытаюсь вывернуться из моих рук. Борьба вначале смешила меня, а потом начала раздражать. Да как она – дочь какого-то смертного царька, проклятого мной, - смеет противиться мне – царю Олимпа!

– Хватит жалких попыток! Как, ты отказываешься от чести быть удостоенной моего внимания...

– Не нужна мне такая честь! – в ответ кричит она. Ее светлые волосы растрепались, щеки и шея покрылись алыми пятнами. – Я не хочу!

Быть может, если бы она в слезах молила меня или даже заговорила о своей любви к Артемиде, я бы сжалился и оставил ее. Но она посмела, посмела противиться мне, и во мне проснулась ярость. Я сдавил ее в объятиях, рванул покров и со второго плеча и прошипел прямо в ее широко распахнутые глаза:

– Ни одна дева еще не осиливала меня. И ты не сможешь!

3

<https://gallerix.ru/storeroom/907329322/N/1550484111/>

Как только я заподозрила, что Каллисто нарушила приносимый всеми нами обет девства, что она в положении, я поняла, что это мой шанс. Шанс лишить ее почетной должности первой помощницы нашей богини и самой занять ее.

Я всегда считала, что Каллисто незаслуженно пользовалась такой любовью Артемиды. Она всегда твердила о своей преданности, о своей любви к богине, но, когда дело доходило до работы руками – плетения сетей, освеживания добычи, кого все вспоминали? Конечно, меня. «С этим справится только Бритомартида». «Позовите Бритомартиду, это работа для нее». Я трудилась гораздо больше этой смертной девицы, но благоволением Артемиды пользовалась именно она.

Я с трудом сдерживалась, когда она отдавала мне приказания от имени Артемиды. Я нимфа, дух природы, почти богиня, так почему я должна подчиняться смертной?..

Я совершенно случайно обнаружила, что Каллисто беременна. Сначала заметила, что она начала как будто сторониться нашей компании, а потом, когда мы в одной роще расположились на ночлег, я все и увидела.

Я проснулась ночью, увидела, что она встает и куда-то идет и решила проследить за ней. У меня мелькнула мысль, что наша красавица направляется на тайную встречу с каким-нибудь смертным или сатиром. Но она ушла к небольшому озеру и, скинув одежды, начала осторожно обмывать свое тело. В лунном свете и увидела ее живот и глазам своим не поверила – наша преданная служительница Артемиды нарушила обет. Лишилась невинности и более того – понесла.

План созрел сам собой.

Мы долго преследовали оленя. Он вывел погоню к чудесному озеру, где и стал нашим трофеем. Озерная вода манила прохладой и чистотой. Мы поддались искушению и бросилась купаться. На берегу остались только караульщицы. Мы с наслаждением плескались и веселились, потом вышли на берег и растянулись на траве. Теперь караульщицы могли зайти в воду, только Каллисто так и сидела в стороне от всех, обхватив руками колени.

– Каллисто! – крикнула я ей. – Иди к нам, искупайся!

Она отчаянно покачала головой.

– Нет, мне это ни к чему, – и крепче вцепилась в свои одежды.

Я подбежала к ней:

– Да что с тобой, Каллисто? Солнце такое жаркое, а вода так свежа! Окупись хоть раз!

Затем, смеясь, вцепилась в ее тунику и сорвала. Смущенная Каллисто вскочила, чтобы отнять у меня тунику, и все увидели ее округлившийся живот.

– Она...она беременна, – прошептала Сиринга.

Ах, как искусно я разыграла изумление в тот миг!

К моему огорчению, Артемида почему-то не изгнала ее. Она отправила ее в грот на время вечерней охоты, а мне велела стеречь ее в гроте.

– Я уверена, что ее проступку можно найти оправдание. Бритомартида, мне нужно узнать, как это случилось.

– Я постараюсь, моя богиня.

– Нет, Бритомартида. Не постарайся. Узнай.

Сначала меня разозлило такое поручение. Разве наши правила не едины для всех? Если она нарушила свой обет девства, то должна быть изгнана. Но, поразмыслив, я подумала, что, пожалуй, смогу извлечь из этого поручения пользу. Если Артемида станет наедине говорить с бывшей любимицей, то может и простить ее. Но я, конечно, не допущу этого, собрав все сведения и передав моей богине... нужную их часть.

Когда мы остались вдвоем, я с притворным сожалением обратилась к Каллисто:

– Ах, как мне жаль, Каллисто, что наша богиня обрушила на тебя свой гнев. Я вовсе не хотела, чтобы так получилось.

Она только рукой махнула. Я продолжила пытаться ее разговорить.

– Но как же такое могло с тобой приключиться? Нет, я понимаю – ни одна девица не смогла бы бороться с самим Зевсом. Но почему ты сразу не бросилась бежать к лагерю, как только увидела его?

Она безучастно смотрела перед собой. Я поняла, что нужно быть помягче, участливее, иначе я не добьюсь нужных сведений.

– Каллисто, милая, я ведь не из любопытства спрашиваю. По поручению Артемиды.

Она подняла голову.

– Она хочет найти причину – хоть какую-нибудь, чтобы помиловать тебя. Оставить после того, как ты родишь ребенка, среди нас.

В глазах Каллисто я увидела проблеск надежды. Она колебалась, не решаясь доверить мне какой-то секрет. Я улыбнулась ей.

– Каллисто, ты можешь довериться мне. Я хочу только помочь тебе. Расскажи, что тебя мучает.

Она нервно теребила подол своей туники.

– Каллисто, мы так давно знаем друг друга. Я, правда, хочу только помочь тебе.

Она покраснела, стиснула тонкие руки и заговорила:

– Право, я не виновата в том, что нарушила обет. Зевс... Он принудил...

– Он взял тебя силой? – со всем участием, на какое я была способна, уточнила я.

– Да, – она опустила голову, должно быть, мучимая стыдом.

Нет, я не жестока. На одно мгновение мне искренне было ее жаль. Всем девушкам, и смертным, и нимфам, известно, что внимание наших светлых богов Олимпа сулит если не горести, то, по крайней мере, неприятности. Но потом во мне вспыхнул гнев. И тут Каллисто оказалась лучше всех нас. Мало того, что ее удостоила своей дружбой богиня Артемида, так и Зевс проявил к ней интерес. Будь она поумнее, могла бы упросить его перенести ее в какие-нибудь далекие края и жить там под его защитой, наслаждаясь пусть и недолгим, но все же вниманием царя Олимпа.

Мне нужно было, чтобы она еще хоть что-то сказала. Нужны были еще сведения, которые я могла передать – разумеется, в переделанном виде – Артемиде.

– Почему же ты не бросилась бежать, как только его увидела? Ты могла бы хоть попробовать вернуться в лагерь.

– Я не знала, что это Зевс. Он был в облики нашей богини.

– Как? Артемиды?

Она вновь кивнула. Что ж, такое коварство вполне в духе верховного олимпийца. Никто не может сравниться с Зевсом в умении принимать чужое обличие.

– Конечно, ты не могла знать, что это он. Значит, он в облики нашей богини подошел к тебе и принял свой истинный облик.

Теперь Каллисто казалась спокойной, даже отрешенной.

– Он меня поцеловал.

– Поцеловал? Так, как муж целует девицу?

Это было уже интереснее. Я подумала, что сейчас-то мои старания будут вознаграждены и я узнаю нечто такое, что поможет мне навсегда избавиться от Каллисто.

– И тогда ты начала вырываться и кричать, поняв, что это не Артемида? А он вернулся в свой царственный облик...

– Нет. Я не начала. Я ответила на поцелуй.

– Что?

Если бы я не сидела рядом с ней, то могла бы упасть от изумления. Нет, так мне повезти не могло. Либо я ее неверно поняла, либо это... Подарок судьбы, подарок мойр.

Каллисто подняла на меня свои синие глаза и мрачно рассмеялась.

– Да, я ответила на ее – то есть, на его поцелуй. Я так мечтала об этом, и это случилось... Такой ценой, – она расхохоталась. От ее смеха у меня мурашки по коже пробежали.

– Милая Каллисто, я сохраню твою тайну, – забормотала я. – Ты, конечно, не так виновата, как считает наша Охотница, и я надеюсь, что смогу убедить ее в этом.

Как только в лагерь вернулась Артемида, я бросилась к ней и сообщила, что поговорила с Каллисто. Она тут же отвела меня в сторону и тихо спросила:

– У тебя есть для меня хорошие вести?

– Ох, моя богиня, – зашептала я, опуская глаза в притворном смущении. – Даже не знаю, как мне поведать тебе то, что я узнала от нашей Каллисто.

Она схватила меня за плечи и потрянула.

– Говори!

– Каллисто много больше грешна, чем ты думаешь, богиня. Она пришла к тебе с греховными помыслами, наполненными страстью.

Глаза Артемиды потемнели. Но голос ее, когда она заговорила, был холоден.

– Рассказывай мне. Сейчас же.

И я начала рассказывать. Я даже и не лгала. Делала то, что и обещала Каллисто, - рассказывала, как все было.

– Она вождедела тебя – тебя, девственную богиню.

Никакой лжи – только то, что я сама слышала. В этом и заключается секрет убеждения.

– Она, какая-то смертная царевна, осмелилась питать столь нечестивые помыслы... Недаром отец ее был великом гордецом, не чтущим богов Олимпа.

Никакой клеветы – все знают, каким был ее отец и что с ним стало.

Артемиде сжала мое плечо так крепко, что я чуть не вскрикнула.

– Идем к ней.

Артемиде ринулась к гроту, где тосковала Каллисто. Богиня бросилась к ней и рывком подняла на ноги.

– Ты – лживое, нечестивое создание! Ты решила, что можно безнаказанно смеяться над приносимым нами обетом девства? Бритомартида раскрыла мне глаза!

Удивительно, но Каллисто не задрожала, даже не дрогнула перед этой яростью.

– Клянусь тебе, богиня, я не хотела нарушать обет. Зевс не соблазнил меня посулами и нежными речами. Бритомартида подтвердит тебе...

– Я не о Зевсе, не о ребенке тебя спрашиваю. Ты пришла в наше общество дев, вождедея меня?

Она отшатнулась, глаза ее широко раскрылись. Она протянула ко мне руки.

– Бритомартида, ведь ты обещала сохранить это в тайне.

Я поджала губы и строго посмотрела на нее, надеясь, что выгляжу воплощением не надменности, а целомудрия.

– Я обещала помочь тебе. А лучшей помощью для тебя будет уйти из нашего круга дев и не осквернять его еще больше. И я служу своей богине, как полагается.

– Довольно! – крикнула Артемида и взмахом руки заставила нас умолкнуть. – Так ты признаешься в своем преступлении?

Каллисто смотрела прямо в глаза нашей богине и твердо сказала:

– Да. Бритомартида сказала тебе правду.

В глазах Артемиды появилась такая ярость, что я попятилась.

– Ты, смертная, простая смертная посмела вожделеть меня – богиню, дочь самого Зевса?

Богиня как будто стала выше ростом. Она нависла над своей – надеюсь, теперь-то уж бывшей – помощницей. А Каллисто не отступила и не дрогнула под ее гневным взглядом.

– Да, – просто сказала она.

– Ты посмела вожделеть меня, вечную деву, как будто я одна из твоих смертных подруг в оставленном тобой дворце... – прошипела Артемида. – Что ж, я не просто изгоню тебя. Я сделаю так, что уже ни один мужчина, смертный или бессмертный, не пожелает тебя, не ощутит к тебе того преступного вожделения, которым ты пылала ко мне.

Я, изо всех сил стараясь сдерживать улыбку, подалась вперед, желая увидеть наказание Каллисто, но тут же испуганно отступила перед молодой бурой медведицей.

– А теперь, неверная, прочь с моих глаз! Убирайся в чашу и живи там!

Каллисто с трудом поднялась на лапы и побежала в лес.

– Что ж, быть по сему, – негромко сказала Артемида. – Больше меня никто не предаст и не обманет! А ты, Бритомартида, будешь моей помощницей наравне с Сирингой – вместо этой неверной.

Я поклонилась и торопливо пробормотала заверения в своей преданности. Я ожидала, что почувствую ликование – ведь я добилась того, о чем мечтала. Но тут мне вспомнились слова Каллисто: «Я так мечтала об этом, и это случилось... Такой ценой». Да, цена за миг блаженства оказалась велика.

Эхо

<https://gallerix.ru/album/Waterhouse/pic/glr-1878991716>

То была священная ночь. Жрецы в храмах готовили подношения для Афродиты, а мужчины и женщины уходили в леса и также приносили жертвы рожденной из пены богине любви – не кровью священных животных, а страстью и ласками.

Эхо, горная нимфа, торопилась к укромному святилищу Афродиты. Белые и желтые цветы нарцисса, украшавшие ее русые волосы, осыпались. Эхо выбежала на поляну и упала на траву перед святилищем. Возносить молитвы вслух она не могла, а потому обратила к небу залитое слезами лицо. Если и ее покровительница отвернется от бедной нимфы, то надеяться ей больше не на кого.

«О, Афродита, - мысленно взывала она, – услышь ту, что всегда прославляла тебя в своих песнях».

Алый свет окутал поляну, и перед плачущей девушкой явилась богиня. Горделивая, царственно-прекрасная, с венцом на золотистых волосах, она чуть насмешливо смотрела на нимфу.

– Я не могу не откликнуться в такую ночь на мольбу той, что всегда верно мне служила. Что тебе нужно, Эхо? С твоей красотой ты не должна страдать от холодности мужчин.

Эхо ничего не ответила, лишь простерла к богине руки.

– Ах да, я и забыла! Ведь Гера прокляла тебя, лишив дара речи, за то, что ты пустой болтовней отвлекала ее, в то время как владыка Зевс нежился с красавицами. Но сегодня моя и только моя ночь. Я верну тебе голос.

Она махнула рукой. Эхо схватилась за горло, ее лицо исказилось, но через секунду на нем расцвела робкая улыбка.

– Благодарю тебя, богиня!

– Помни – мои чары продлятся только одну ночь. С восходом солнца проклятие вернется к тебе. Так чего ты желаешь?

Эхо молитвенно сложила руки.

– Богиня, я полюбила смертного юношу. Клянусь, красотой он подобен самим богам... Он охотился в этих лесах, богиня. На привале, у озера, хотел зачерпнуть воды, взглянул вниз с большого камня, да так и остался на том месте. Не отрывает очи от водной глади и шепчет как безумный слова любви своему отражению.

Афродита на мгновение задумалась.

– Я знаю, о ком ты говоришь. Нарцисс, сын нимфы Лириопы, проклятый юноша.

– Нарцисс – вот как его зовут! О, как прекрасно его имя. Но почему, богиня, ты зовешь его проклятым?

– Когда он родился, его мать отправилась к слепому Тирегию и спросила, суждена ли ее мальчику долгая и счастливая жизнь. Старик обещал, что Нарцисс проживет без горестей до старости, если не познает себя. Значит, предсказание сбылось...

– Увы, владычица! Он не отходит от этого озера и шепчет себе же признания в любви. Он ослабел, осунулся, но и сейчас там, моя богиня! Спаси его! Умоляю! Он умрет, если не прекратит любоваться собой.

Печаль появилась на лице Афродиты.

– Увы, дитя, я ничем не могу помочь. Мойры напряли ему такую судьбу, и она свершилась.

– Но я люблю его... – Эхо в отчаянии заломила руки.

Афродита покачала головой.

– Я дала тебе голос на одну ночь. Но за право изменить чью-то судьбу, мойры требуют платы, тебе это известно. Что ты можешь предложить в обмен, нимфа?

Эхо поникла. Что у нее есть?.. Она лишь простая нимфа, ничем не владеет, кроме милovidного лица и сладкого голоса, да и тот отняла Гера. Вдруг в ее головке забила, как птичка в силках, отчаянная мысль.

– Отдам мои сотни непрожитых лет. Все непрожитые годы, дарованные мне как ораде.

Афродита помрачнела:

– Все оставшиеся годы?

– Да, богиня. В обмен на спасение Нарциссу, – Эхо склонила голову.

– Ты же нимфа, не смертная. Когда ты умрешь, то обратишься в простой валун.

– Но я хотя бы попытаюсь его спасти. Уж лучше одна ночь рядом с ним, чем долгие годы тоски.

Афродита покачала головой.

– Это так противоестественно – отдавать свою жизнь за другого. Но должна признать, что я впечатлена. Я даже сделаю тебе подарок. Ты предлагаешь свои годы жизни за возможность спасти Нарцисса, но я дам больше. Все-таки вы с Нарциссом были бы красивой парой.

Богиня вскинула руки, всю ее изящную фигуру окутало алое, как кровь, свечение.

– Слушай меня, орада Эхо! Я позволяю тебе прийти к Нарциссу и всеми способами, какими ты располагаешь, пытаться увести его прочь от его отражения. Если сможешь, уйдете вместе и проживете долгую жизнь. Но если к восходу солнца он не перестанет любоваться собой и не пожелает уйти, твое тело обратится в прах. Сердце твое остановится, и от тебя останется лишь голос, повторяющий за другими их слова. Ты поняла меня?

Эхо кивнула.

– Тогда спешу к своему Нарциссу.

Эхо поднялась и хотела броситься прочь, но остановилась и поклонилась богине.

– Благодарю тебя, Афродита!

Та махнула рукой – мол, поторапливайся. Эхо бросилась в чашу.

На берегу тихого озера лежал молодой охотник. Хотя лицо его было бледно и скулы резко выступали на нем, он был прекрасен. В руках он держал зажженный факел и, не отрываясь, смотрел в воду. Лук и стрелы, давно забытые, лежали в траве, и по колчану медленно полз муравей. Иногда над головой юноши пролетали ночные птицы, но он даже не смотрел в их сторону и страстно шептал, глядя на свое отражение в тихих гладях озера:

– Как прекрасен! Я люблю его!

Нарцисс не услышал шороха в кустах и не заметил, как на берег озера выбежала растрепанная русоволосая девушка. Она бросилась на колени перед юношей и простерла к нему руки.

– Нарцисс, о Нарцисс, услышь меня! Меня зовут Эхо. Я хочу спасти тебя.

Не отрываясь от чудного лица в воде, юноша возразил:

– Меня не от чего спасать.

– Нет, Нарцисс. Выслушай меня. Тебе предсказано при рождении: ты погибнешь, если увидишь свое отражение. Твоя мать всю жизнь пыталась не допустить этого и скрывала от тебя твой лик, как могла. Ты любишь свое отражение!

Юноша на секунду поднял голову от вод озера и устремил безнадежный взгляд на девушку.

– Так я люблю самого себя? О, боги, как вы жестоки! Никогда мне не обнять его, не прикоснуться к его лицу! Нас вечно будет разделять эта полоска воды, – и опять уставился в озеро.

Эхо заговорила с ним так ласково и нежно, что даже жестокий Арес и мрачный Аид дрогнули бы при звуках этого голоса.

– Нарцисс, Нарцисс, послушай меня! Ты так ослабел за все время, что любишь себя. Если ты не уйдешь от озера, ты умрешь.

– Умру? – переспросил Нарцисс, и лицо его озарилось улыбкой. – Да, лучше смерть, чем такие муки...

Эхо нежно провела рукой по его лбу:

– О, Нарцисс, но, если ты покинешь этот лес, ты проживешь долгую жизнь на радость своей матери. Многие тебя любят – и девы, и юноши. Тебя будут обожать, и ты полюбишь кого-нибудь.

Нарцисс вновь поднял голову. Его взгляд был равнодушным и холодным.

– Но они не будут столь прекрасны, как он. Что мне до того, кто полюбит меня, если я не могу быть любим им?

Эхо в отчаянии схватила его за руки:

– Пусть твое отражение прекрасно, но и мир вокруг поражает взор. Посмотри, как прекрасен ночной лес. Луна взошла над вершинами кипарисов и дубов и заливают своим сиянием поляны и ручьи. Ночной ветер колышет травы и цветы, и они склоняются перед ним, трепеща. Неужели ты можешь оставаться нечувствительным к той красоте, что вокруг тебя? О, Нарцисс, ведь ты не жесток и не равнодушен. Я верю, в тебе осталась любовь к жизни.

Она с надеждой вглядывалась в лицо Нарцисса. При первых ее словах юноша начал было оглядываться вокруг, но тут же печально опустил голову.

– На что мне вся красота мира, если я не могу быть с тем, кого любил? – печально прошептал он.

Он впервые встретился глазами с Эхо.

– На что мне и ветер, и луна, и прекрасные темнобровые девы, и стройные юноши, когда я люблю отражение? О, лишь смотреть на него и ни разу не прикоснуться – это невыносимо. Я бы отдал и солнечный свет, и все цветы на свете за одно объятие и один поцелуй.

Эхо упала на траву. Факел в руке Нарцисса догорал. Небо над ними стало светлеть, и звезды гасли. Неужели у нее ничего не выйдет?.. Тут из

глубин ее отчаявшегося сознания выступило воспоминание: она на лугу поет подругам-нимфам и сатирам. Они смеются и говорят, что ее голос, должно быть, прекраснее, чем у любой девы, что когда-либо жила.

И Эхо запела. Вначале тихий, ее голос постепенно набирал силу. Она пела о любви, что зарождается между юношей и девушкой весенней порой. Она пела о счастливой любви, которую Нарцисс никогда не познает, если не оставит эту страсть к своему отражению.

Эхо закрыла глаза, чтобы ничто не отвлекало ее. Теперь она пела хвалу Гименею, соединяющему пары у алтаря и зажигающему их сердца жаром любви от своего факела. Неужели Нарцисс откажется от возможности найти ответную любовь? Немало есть прекрасных дев в городах и селениях, и между ними найдется та, что полюбит его. Стоит только уйти прочь от рокового озера.

Нимфа открыла глаза. Небо стало бледно-голубым, и по нему плыли розовые облака. Песня Эхо перешла в ликующий гимн Эросу, что наполняет страстью всех живущих на земле. Нарцисс так страдает от неутоленной, неразделимой любви, так неужели откажется от любви, что предлагают ему? О, неужели он откажется вернуться в мир, где его готовы одарить любовью? Он, так ищущий любви, неужели откажется от нее?

Чарующее пение нимфы вознеслось в небеса и проникло под своды мрачного царства Аида. И владыка умерших задрожал на своем золотом троне, думая о столь любимой им жене Персефоне, дарованной ему лишь на треть года.

Легкое сияние на небе становилось ярче. «Рассвет», – подумала Эхо. Вот теперь и решится ее судьба. Она либо спасет своего любимого, либо обратиться в прах. И не будет для нее ни покоя, ни мыслей, ни сновидений.

Эхо обернулась к Нарциссу, ожидая увидеть, как он медленно, нехотя, отходит от озера и поднимает с земли лук и колчан со стрелами...

...Нарцисс сидел на земле, не отрываясь от своего отражения и зажимая уши изящными пальцами. Почувствовав ее взгляд на себе, он поднял голову и прошептал с отчаянным упорством:

– Я могу любить лишь его одного. Так не докучай мне более.

Так все оказалось напрасно?.. Нарцисс обречен зачахнуть здесь, у этого озерца? И новая страшная мысль поразила ее – по уговору с Афродитой она должна обратиться в камень.

Первые лучи солнца пробились на поляну. Эхо, дрожа, упала на траву.

– Нет! Не хочу! – выкрикнула она.

Ее била дрожь. Она хотела ползаться с травы. Прочь – от этого места и от прекрасного Нарцисса. Но силы уже покидали ее. Она так и не смогла встать и застыла на коленях, подняв глаза к небу. Все вокруг нее дышало безмятежностью: величаво плывущие в синеве облака, воды озера, безмятежно-спокойные, и сам Нарцисс, склонившийся над ними.

– Судьба, – прошептала она.

Легкий стон невыразимой муки прозвучал в воздухе. Прекрасный Нарцисс на мгновение поднял взор от своего отражения, но нимфы уже не увидел. Только большой камень тусклого серого цвета лежал на земле. Нарцисс равнодушно пожал плечами и вновь склонился над водами озера.

Ариадна

<https://gallerix.ru/storeroom/1100093627/N/7360/>

Вы вновь просите рассказать о Лабиринте и Минотавре, дети мои. Теперь, когда вы выросли, я могу рассказать вам эту историю без прикрас. И, прежде всего, опровергнуть давнее обвинение.

Из всех грехов, что водятся за мной, меня более всего упрекают за Ариадну. Бросил несчастную девицу на пустынном острове. Но те, кто так говорит, не знают Ариадну. Не видели ужасов Лабиринта. Что ж, дети мои, пора вам услышать эту историю. Не так, как ее рассказывают на пирах, а как было на самом деле.

Я плыл на Крит с простой целью – освободить родные Афины от дани царю Миносу. Сделать это можно было одним способом, а именно – убить Минотавра. Мои товарищи молчали, стараясь не выказывать чувств. Страх перед Минотавром, которому отдавали наших юношей и дев, не было: чудовищ к этому моменту я уже сразил немало. Этот просто крупнее и сильнее.

На Крите нас представили Миносу и его семье. Мне показалось, что старшая из царевен, Аридна, мной заинтересовалась: не спускала с меня взгляда.

Всю ночь перед отправлением в Лабиринт я думал, как мне поступить. У меня был короткий меч, спрятанный в складках плаща. Допустим, я убью Минотавра. Но как потом найти выход на свет? Если рассказы критян правдивы, там можно блуждать год, но так и не найти выход. Но перед рассветом ко мне пришла Аридна. Она, сказав, что влюбилась в меня и хочет помочь, вручила клубок ниток. Аридна мне понравилась светлыми волосами, изящными чертами лица и ясными глазами. Я не собирался ее обманывать. Наоборот, хотел взять с собой, сделать своей женой.

Не буду расписывать, как нас утром разбудили, как мы спустились в Лабиринт. Я велел своим спутникам ждать меня у входа в Лабиринт, а сам пошел искать Минотавра.

Стены Лабиринта были сложены из грубых камней, а сквозь узкие решетки в потолке шел скудный свет. И в коридорах царил странный то ли туман, то ли дым, обволакивающий и удушающий. Вдохнув его, я еле устоял на ногах, голова закружилась. Я думал только об одном – не упустить клубок нитей, но мысли, начали путаться. Сколько я блуждаю здесь? Несколько часов? Или дней? «Ты должен убить Минотавра. Ты должен вернуться в Афины», – шептал я себе.

Когда я в первый раз услышал шепот, то подумал: игра воображения. Обволакивающий, как этот странный туман, легкий как прикосновения

умелой гетеры. Я не мог понять, кому здесь перешептываться, ведь товарищам я велел оставаться у входа. А вскоре появились... они.

Первой была женщина. Высокая, худая, как жердь. Ее черный пеплум превратился в лохмотья. Темные волосы висели нечесаными клоками. Кожа была желтоватого оттенка. Увидев меня, она захихикала, захлопала в ладоши и бросилась бежать.

– Стой, подожди! – и я помчался за ней, стараясь не упустить из виду.

Мне начали попадаться и другие. Сначала две женщины, потом мужчина, потом еще женщина. Все они были худыми, грязными. И у всех – пустые глаза и несмолкаемый смех. Я вдруг понял, что и сам смеюсь. Это было страшнее всего.

Я уже потерял из виду ту, первую женщину и просто тупо шагал вперед. Наконец коридор вильнул еще раз и вывел меня на некое подобие арены.

Впрочем, назвать это ареной было бы не совсем правильно. Мест для зрителей не было. В потолке также были решетки, но более широкие, потому света здесь было больше, чем в коридорах Лабиринта. И здесь не было тумана. Я задышал свободнее и огляделся. У стен группками сидели люди, я насчитал около десяти. Они также бессмысленно хихикали, некоторые тихонько напевали. А в центре арены... нет... зала... тоже нет... А в центре Лабиринта сидел он.

Ростом он превосходил всех людей, что я видел. На нем был изодранный серый хитон. В Афинах мне рассказывали, что телом он человек, а головой – бык, но тела я толком не мог разглядеть, только местами торс, заросший коричневатой шерстью. А голова, действительно, была бычья. Черные глаза внимательно смотрели на меня.

Я замер, ожидая, что он вот-вот кинется на меня, но он сидел, не шевелясь. Тогда я рискнул сделать пару шагов к нему. Но меня смущало все, что я видел: этот туман, эти люди.

– У нас новенький.

О, этот голос. Нечеловеческий, глубокий и как будто убаюкивающий. Речь была не совсем разборчива, бычьи связки не предназначены для человеческой речи.

– Как тебя зовут?

– Тезей. Царевич Афин.

– А я Астерий. Но все зовут Минотавром.

Он поднялся, подошел ко мне. Передвигался он тяжело. «Хорошо. Проще будет убить», – мелькнула мысль. Он стоял почти вплотную и обнюхивал меня.

– Ариадна не ошиблась, – наконец сказал он. – Ты действительно сын бога, раз сумел сохранить рассудок, дойдя до центра. Другие оказались не столь крепкими.

– Я пришел убить тебя, – тихо произнес я. – Чтобы освободить Афины от дани.

Зачем я это сказал? Теперь он знал о моих намерениях и был начеку.

Тут он запрокинул увенчанную рогами голову и замычал. Я не сразу понял, что это его смех.

– Дань на твои Афины наложил не я, а Минос. Хочешь свой город освободить – убей его.

Люди, жмущиеся у стен, начали подбираться к нам. Они были омерзительны всем: их жалким видом, безумным смехом, пустыми взглядами, стойким запахом дерьма и мочи, а еще – немых тел.

– Не бойся их, – Минотавр уловил мои чувства. – Они не нападут, если я не прикажу.

– Кто они такие? Почему они здесь?

Он как будто обрадовался вопросу.

– Ты не понял? Афиняне, присланные в Лабиринт ранее. Вы ведь не первый год платите позорную цену за то, чтоб Крит не нападал на вас.

Я помотал головой. Не может такого быть! И афиняне, и критяне свято верили, что всех присланных юношей и дев чудище пожирает.

Критские послы с упоением рассказывали о Лабиринте, заваленном костями убитых.

– Я не понимаю... Я хочу знать...

Мне было тяжело думать и дышать. От испарений, от вони, от того, что эти живые скелеты ползали вокруг нас.

Минотавр вздохнул.

– Никто не понимал, когда приходил сюда. Но я со всеми был ласков и терпелив. Пожалуй, я все тебе расскажу. У нас есть для этого немного времени, – а что будет потом, хотел спросить я, но промолчал. – Владеть тайной – это как обладать золотом и не иметь возможности его тратить. Присядем, что ли.

Мы сели – вернее, он сел, а я почти упал – и он начал объяснять.

– Минос держит меня здесь не только, чтоб пугать мной соседей и делать их покладистыми, а еще потому, что боится меня. У него есть для этого основания: он видел, что я способен вытворить.

Минотавр вытянул крепкие руки. У меня не осталось сомнений, на что он может быть способен.

– Этими руками я задушил нескольких его стражников. Вернее, одного задушил, другому шею свернул, а еще одного разорвал пополам.

– А повод был?

Он снова расхохотался своим мычащим смехом.

– Я и знать не знал, что старина Минос придумал какую-то дань. Но в Лабиринт стали приходиться люди, я начал их подбирать. Заботиться о них, опекать, как мог. Они сначала боялись меня – выросли, как и ты, на баснях о злом быке-монстре. Но я был терпелив, я собирал их. Я кормил их, уверял, что бояться больше нечего. И они начали видеть во мне друга, наставника, отца... бога.

– А едите вы что?

– Каждый день оттуда, – он указал на решетки в потолке, – нам спускают лохань с едой. И я делю ее между моими друзьями. Я передал

стражникам, что пищи должно быть больше, – нас ведь тут много. Минос сначала не обрадовался, но я передал ему послание: если мои друзья останутся со мной, я буду тих и кроток... как ягненок. Уловил шутку? Бык будет кроток как ягненок. Старикан согласился. Говорю тебе: он боится меня, боится, что я разнесу его Лабиринт по камешку. Я, правда, хочу выбраться, но пока рано. Даже поместить меня сюда Минос смог, только усыпив. Вот как я могуч.

Стараясь не показывать отвращения, я решился на еще вопрос:

– За что они, – я обвел рукой центр Лабиринта, – так любят тебя?

– Опять не понял? – снова этот снисходительный тон. – Они были отправлены на смерть. Они блуждали по Лабиринту, были напуганы. И нашли меня. Пусть я и ужасен, но был к ним добрее, чем их соотечественники. Кормлю их, успокаиваю, когда им страшно. Забочусь, как могу.

– И чем вы тут занимаетесь? Хохочете целыми днями и бегаете по коридорам?

Минотавр вскочил на ноги.

– Эй, Менандр, сыграй нам что-нибудь!

Один из этих жалких созданий вытащил из складок лохмотьев флейту грубой работы. И заиграл.

При первых звуках полулюди подбежали к Минотавру и закружились в танце вокруг него. Страшным и в то же время завораживающим была их пляска: они бешено кружились, скакали, падали, но тут же вставали и продолжали пляску. Наконец Менандр прекратил играть, и афиняне уселись вокруг Минотавра.

– Пляска хороша, но не будешь же скакать весь день.

– А мы не только танцуем. Мы делаем и другие вещи.

Он положил руку на голову одного создания, что когда-то было женщиной. Та радостно завопила.

– Сегодня я выбираю тебя, – произнес полубык. – Му!

– Му! – ответили ему остальные.

Женщина скинула изодранный хитон, легла на землю, а Минотавр лег на нее. Я уже всякого навидался, но такого предположить не мог. Он совокуплялся с женщиной. Она кричала словно от боли, но на лице у нее читалось наслаждение. Наконец Минотавр слез с нее. Она лежала, постанывая и вздрагивая всем телом.

– За нее не переживай – ей теперь хорошо. Им всем здесь хорошо. Каждый видит что-то свое, особенное. А я уверяю их, что видения – моя работа. И они считают меня богом.

– Зачем ты это делаешь? Похоть одолевает?

– Нет. С похотью я бы справился. Ты видишь, что женщин здесь меньше, чем мужчин? Мужчины не могут дать мне то, что нужно.

Пока он говорил, я следил краем глаза, как один из ходячих трупов подошел к женщине и попытался влезть на нее так же, как их господин. Бедняжка застонала и попыталась скинуть его. Мужчина ударил ее, тогда она закричала.

Минотавр обернулся, подскочил к ним и одной рукой сдернул наглеца с нагого тела.

– Разве я не говорил, что подобное запрещено? – ревел он. – Придется тебя наказать.

Он положил руку ему на голову – тем же уверенно-снисходительным жестом. Я не знал, чего ждать, и просто наблюдал за ним. Бывшие данники Афин отбежали подальше от разгневанного быка и пытались стать как можно незаметнее. Провинившийся плакал и уверял, что больше никогда не осмелится, а Минотавр холодно произнес:

– Му!

И одним движением свернул ему шею. Вот так. Будто муху прихлопнул. Даже я не настолько силен.

– Дисциплину приходится поддерживать жесткими мерами, – пояснил Минотавр. – Кто-нибудь еще хочет почувствовать мой гнев?

– Нет, нет! Умилосердись, повелитель наш, – плакали его рабы. Они подползали к нему, гладили и целовали руки. Я не видел бычьей морды в тот миг, но, по-моему, он был этим доволен.

Он издал короткое мычание. Не тот смех, которым награждал меня, когда я говорил нечто, по его мнению, забавное. Не то, по-человечески звучащее «Му!», которым сопровождалось совокупление и убийство, а именно мычание.

В дальней части арены, противоположной входу на нее, был вход – в новый коридор либо в другую пещеру. Я до этого думал, что там сидят такие же бедолаги, но ошибся. На призыв Минотавра под тусклый свет выползли... его подобия. Они могли бы сойти за обычных детей, если бы не бычьи головы. «Друзья» Минотавра, едва завидев их, с визгами забежали по арене. Бычки нацелили на них рога, но когда Минотавр грозно замычал на них, чуть присмирели. Они подползли к телу убитого мужчины и вцепились в него.

– Хоть головы у нас и бычьи, но мясо мы едим, – заметил довольный Минотавр.

– Кто... кто они?

– Мои дети.

– Что? Как?

– Ну, это было непросто. Женщины часто умирали в родах, ведь у нас нет повитух. Дети тоже поначалу гибли как мухи. Вдобавок были сложности с тем, чем их кормить. Но мне удалось спасти нескольких. Одна беда – их сознание на уровне бычьего. Почему? Ведь, по идее, в них должно быть больше человеческого, чем во мне. Они вроде понимают речь, но сами не говорят. Могут исполнять простые команды... после дрессировки, разумеется. Но главное, что растут. Растут и крепнут.

Маленькие чудища жадно рвали мертвое тело на части. Они дрались друг с другом за лишние куски, пуская в ход рога, а те, кого обделили, попробовали гоняться за афинянами, пока отец не поймал буйных чад и не отшвырнул их прочь.

– Вот вам еда! – проревел он. – Этих трогать не смейте, – и повернулся ко мне:

– Я сказал друзьям, что в этой пещере, куда нам подают пищу, мои детки их не тронут. Моих бычков я сюда не пускаю. Ну а если из людей кто провинится, скажем, затеет драку... – он кивнул на тело.

– Зачем они тебе?

– А ты не догадываешься? Почему свобода, власть должны достаться только Миносу? Только потому, что я уродлив и у меня голова бычья? Это нечестно. Вот я решил: создам много подобий себя. Они вырастут, и мы разломаем Лабиринт по камешку. А после навестим Миноса. Но все это будет потом. Надо подождать. Конечно, многие из них, возможно, сдохнут, но сколько-то останется. Если они будут хотя бы вполовину сильны как я, этого достаточно. Когда повзрослеют, дам деткам испробовать силу на людях, – он кивком указал на своих почитателей.

Я прикрыл глаза, чтоб не видеть его.

– Почему ты мне это рассказываешь?

– Ты же сам хотел объяснений, забыл? И потом, раз ты в Лабиринте, то уже точно не выболтаешь никому его тайны. Отсюда не возвращаются. Знаешь, чего мне по-настоящему не хватает? Наследника. Такого же разумного, как я. И тут судьба послала мне Ариадну.

Я затаил дыхание. Эта нежная девушка – она-то тут при чем?

– Я все думал, как получить разумное дитя. Меня божественная кровь сделала таким – мыслящим, говорящим. Значит, нужно получить дитя от женщины, одной со мной крови. И тут появляется Ариадна. Ее давно разбирало любопытство: что я за тварь такая? Она через решетки наверху пыталась разглядеть меня. Я заметил ее и начал с ней говорить. Не девочка, а клад – такая неискушенная, такая внушаемая. Я говорил ей о своей жестокой доле, о том, как хочу выбраться на свет, побродить по зеленым лугам. И не только говорил, но и слушал. Ариадна не нашла в братьях и сестрах родственной души. Она рассказала о твоём приезде, и я понял – это мой

шанс. Она не могла просто так спуститься в Лабиринт. Во-первых, он охраняем. Во-вторых, она бы заблудилась и умерла от жажды до того, как я бы ее нашел. Тебе крупно повезло, что ты быстро нашел ко мне короткий проход. Я убедил ее дать тебе клубок ниток, но он для нее – не для тебя. Когда вас запускают в Лабиринт, вход на короткое время остается без наблюдения. Стражники докладывают Миносу и капитану вашего корабля, что новые данники внутри. Тогда Ариадна должна проскользнуть внутрь и по нити, которую ты любезно оставлял за собой, прийти ко мне.

– Это ложь! – не выдержал я. – Она дала мне нить, потому что полюбила меня. Она мечтает сбежать с Крита.

– Да, я подсказал ей, какие слова говорить. Ты, быть может, боишься за нее? Не стоит. Ее ждет великая судьба – стать невестой Минотавра, матерью его наследника. А почему бы мне не хотеть наследника?

– Хуже участи не придумаешь, – прошептал я. Но полубык не гневается.

– Я создал собственное царство с подданными, значит, и я царь. Но теперь хочу, скажем так, расширить свои владения. Минос считает меня чудовищем из-за бычьей головы. Но я говорю, мыслю, как он, значит, я такой же, как он. Но он упрямо не хотел видеть во мне человека. А ведь я бы лучше управлял его землями, чем его пухлый сын-наследник. Люди – тот же скот, и управлять ими легче, чем кажется. Еда, страх, размножение, боль – вот нужные рычаги.

– Можешь мечтать, сколько угодно, но Ариадна ни за что не придет сюда. Она мечтает, чтоб я убил тебя. Сама так сказала.

– Смертный не может меня убить. А насчет не придет... посмотри сам, – Минотавр кивнул мне.

Я обернулся и увидел Ариадну. Она стояла, держа в руках клубок, который я бросил, едва войдя сюда – от потрясения. На ее лице была такая же бессмысленная, как и у остальных, улыбка.

– Ариадна, девочка моя. Иди сюда.

Она продолжала улыбаться, но поежилась.

– Тебя пугают мои друзья? – я подумал, что не они, а маленькие полубыки, продолжавшие свой обед вперемешку с драками, но промолчал. – Да, они уродливы, но тебя не тронут. Они любят меня и тебя примут. Подойди, милая.

Она робко приблизилась к Минотавру.

– Ариадна, ты просто красавица! Ты ведь знаешь это?

Она кивнула.

– Ты везде так красива? Хочу проверить...

Он протягивает грубые руки к ней. Мне надо остановить его, броситься между ними. Но я просто стою. Минотавр сдергивает с нее одежды. Он не ошибся – она хорошо сложена, у нее гладкая кожа.

– Ариадна, ты облегчала мою боль все это время, – она кивает. – Мне было так хорошо, когда мы беседовали. И теперь я хочу отблагодарить тебя.

Он берет ее за руку.

– А как ты это сделаешь? – она впервые подает голос.

– Доверься своему телу.

Его лапища скользит между ее бедер. Другая ложится на девичью грудь. Ариадна стонет.

– Тебе приятно?

– О да! Я никогда не чувствовала... такого...

– Это божественное влечение. Боги привели нас друг к другу. И теперь я доставлю тебе удовольствие, какого ты еще не испытывала.

Я обретаю голос:

– Оставь ее!

Минотавр складывает руки на груди:

– Она сама этого хочет. Ты, наверное, воображаешь, что все женщины мечтают о прекрасном герое? Но некоторым не нужны герои, им нужны чудовища. Им хочется хотя бы один раз побыть с чудовищем, испытать, какова дикая неумная страсть, не скованная никакими приличиями. Им хочется

узнать, что значит быть любимой чудовищем. Хочешь – оставайся и смотри, хочешь – уходи. Поброди по Лабиринту, можешь дойти до самого выхода – дверь тебе все равно не откроют. Ты вернешься ко мне, так же, как другие. И признаешь во мне своего господина за глоток воды или кусок мяса. А я должен быть господином – Лабиринта, Крита, всего мира. И мои дети сделают меня всемогущим.

Он укладывает Ариадну на землю. Я смотрю на эту пару – безобразного быка и прекрасную женщину – и не могу оторваться. В их движениях есть какая-то ... притягательность. Ариадна ойкает, когда полубык входит в нее, но потом стонет. Он вдавливая ее в грязь...

Нет! Я понимаю: нечто ужасное произойдет, если Минотавр сделает ей ребенка. Я понимаю, что должен их остановить. Вытащив меч, с воплем – еще одна ошибка! – прыгаю на Минотавра, пытаюсь стащить его с Ариадны, наношу ему неопасную рану. Он сначала не понимает, что произошло, потом усмехается:

– Значит, все-таки бой? Ариадна дала бы мне дитя, и я уступил бы ее тебе... на один раз в благодарность.

– Никогда!

Он наклоняет голову. Я вижу его рога и впервые задумываюсь: что, если мне его не убить? Когда он мчится на меня, я успеваю лишь выставить вперед меч. В последний миг до столкновения инстинкт заставляет увернуться. Минотавр тяжело останавливается у самой стены. Оборачивается и снова несется на меня. Сейчас он совсем как обычный бык на лугу: пытается смять противника. А бык может бежать только прямо, знай уворачивайся. Масса мышц оборачивается против него, скорости и ловкости не хватает. И вот он в очередной раз бежит на меня. Я хочу подпустить его ближе. Вот он рядом, и... Я бросаюсь в сторону. Минотавр врывается в каменную стену, и я вонзаю в него меч. Он ревет, и мотает головой, и я слышу в этом вопле ярость пополам с неверием. Он не понимает, как кто-то сумел ранить его. Пусть он и сильнее меня, но по части ловкости я оставил

его позади. А может, и не в ловкости дело – просто удача. Я вижу брызги крови на его теле, но вытащить меч не могу. Тело его странно дергается, но он поднимается с земли и уже медленно идет ко мне. Его друзья в испуге жмутся друг к дружке. Полубык идет ко мне, безоружному, все, что я могу, – смотреть в его черные глаза. Сейчас он вздернет меня на рога, вспорет. Но... он падает на землю. Я жду, когда он поднимется и разорвет меня, но он не встает.

Ариадна бежит к телу сводного брата.

– Он... убит! Ты убил его, зачем? – из ее хорошенького ротика летят проклятия, но мне не до того. Я не могу поверить: это хитрец и силач... мертв. Он мертв. Нет, не так: он мертв! Я выдергиваю из его тела меч. Смотрю на бычью кровь на нем, ощущаю от лезвия странный запах и смотрю на слой мази на металле.

Моя мачеха Медея, выгнанная из Афин, и ее знаменитые яды... Едва ли Медея слышала от кого-то эти слова, но пусть воздадут ей боги за брошенные смеси! Я взял одну из них и еще на корабле смазал ей меч. Чтоб уж наверняка убить чудовище.

Даже поверженный, Минотавр все еще грозен. Странно не видеть огонька насмешки в его глазах. Ариадна оплакивает брата и любовника, а дети его подползают к папаше все ближе. Их бычьи морды слишком близко, и я понимаю, что...

Я хватаю клубок, девушку закидываю на плечи. Даже после увиденного я не желаю ей смерти здесь. А конец вполне может нас настигнуть. Детеныши Минотавра бросаются на его тело, начинают рвать на части. То ли от голода, то ли от ярости. Их клыки – совсем не бычьи, длинные, острые – рвут отцовскую плоть в клочья. Понимал ли Минотавр, что его оружие способно обратиться против него и удерживает их только страх? Как скоро они перестали бы его бояться? Не знаю и знать не хочу. Некоторые из бычков кидаются на товарищей полубыка, валят их на землю. Один подбегает ко мне, но еще мал, и я опрокидываю его одним ударом.

Хорошо бы, эти твари удовольствовались друзьями отца и не помчались за нами. Они еще малы ростом, но уже сильны. Одного-двух-трех я еще одолею, но если они набросятся все или хотя бы половина...

Я бросаюсь в проход, ссаживаю с плеч Ариадну, подталкиваю ее в спину, сам бегу с окровавленным мечом и клубком. Ариадне велю сматывать нить. Она боится маленьких чудищ и повинуется. Конец нити привязан к металлической скобе на двери. Там же меня ждут и афиняне.

Лабиринт оглашается стонами и криками. Боль и ужас царят в его сердце. И безумное потомство Минотавра. Я слышу торжествующее мычание, но в нем уже ничего разумного нет. Одно чудовище я убил, но остальные живы. Мне кажется, я слышу их мычание в коридорах за мной. Скорее, скорее... Мои губы шевелятся, я молюсь отцу Посейдону. Только не такой смертью, только не от рук этих тварей.

Вот выход из Лабиринта. Мои товарищи тут же.

– Все здесь? – выдыхаю я.

– Все.

Друзья Минотавра приближаются. Я барабаню кулаками по двери.

– Минотавр мертв! Минотавр мертв! Выпустите нас!

Дверь, конечно, не открывается, поверят они в такое, как же.

– С нами царевна Ариадна. С нами дочь Миноса. Ариадна, подай голос.

Она злобно смотрит на меня, молчит, приходится ущипнуть ее за руку.

– Да, это я, Ариадна. Выпустите нас.

Дверь с лязгом открывается. Афиняне выбегают наружу, я выталкиваю Ариадну и выскакиваю сам.

– Запирайте дверь, скорее!

Стражники не понимают. Они много чего не могут понять: как царская дочь оказалась в Лабиринте, почему она раздета и почему у нее по ногам сочится кровь. И что за что вопли долетают из Лабиринта? Я

захлопываю двери, стражники закрывают замок. Изнутри мы слышим вопли, стоны, но это уже неважно. Я ощущаю чистый – наконец-то чистый – воздух. Я не дышу, я пью его как вино.

– Как царица оказалась в Лабиринте? – спросил один из критян, повыше остальных.

– А это вы у нее спросите, – зло отвечаю я. Жаль, думал в тот миг, не удалось перебить его детенышей. Они вырастут когда-нибудь и... Но в отличие от папаши они по уму настоящие быки.

Что же было дальше? Нас следовало отвести к Миносу. По дороге я говорил им:

– Ваш Минотавр мертв!

Стражники были так поражены, что почти не пытались меня остановить.

– Минотавр мертв! – одни передавали весть другим. Когда мы дошли до дворца, наверное, пол-Крита узнало о гибели чудовища. Жители острова показывали на нас и на Лабиринт, что-то шептали друг другу – благодарность богам или проклятие мне?

Мы предстали перед Миносом, я рассказал все, что видел в Лабиринте, Ариадна подтвердила смерть брата. Минос был и зол, и испуган одновременно, и я понял – его власти конец. Кому старый царь страшен без своего чудовища?

На следующий день мы отплыли в Афины. Без Ариадны. Я предвидел, что ей будет несладко, мог бы взять ее с собой. Но каждый раз, когда я думал о ней, перед глазами вставала одна и та же сцена: Ариадна с быком. С полубыком точнее, но что это меняет? Я вспоминал ее блаженную улыбку и понимал: женщине, познавшей быка, нечего делать с мужчиной. В этом Минотавр был прав. Как и в другом: в нем было больше человеческого, чем думал Минос. Хитрость, властный нрав, амбиции. Все, что помогало Миносу удерживать свое царство, имелось у Минотавра. Если бы он не родился

уродом и не оказался в Лабиринте, Минос получил бы достойного сына, а тот когда-нибудь – весь мир.

Но Ариадна жила инстинктами. В этой женщине-самке было сильно животное начало. Ей нужен был самый сильный и большой самец, только такой. Неудивительно, что она без колебаний легла с Минотавром. А мне она после увиденного... после него была не нужна.

Да и не захотела бы она бежать с убийцей ее брата-любовника. Так что, ее я действительно оставил и не жалею – но на Крите. Но как о таком расскажешь? Красавица-царевна предпочла юному герою уродливое чудище с бычьей головой? Это плохо вписывается в рассказ о подвиге. Да половина слушателей не поверила бы, а другая подняла меня на смех. Нет, не годится. Так и пустил по миру байка, как Тезей оставил Ариадну на пустынном острове.

Весть о смерти Минотавра разнеслась по всей Элладе. Минос даже приказал исследовать Лабиринт и найти тело. Что его люди там увидели – неизвестно, но после той вылазки Лабиринт уже никогда не отпирался, а о потомках Минотавра никаких слухов не было. Это я узнал от одного критянина, который бежал с острова. Он спускался в Лабиринт, но наотрез отказывался говорить, что же там нашел. Зато поведал другое: вскоре после нашего побега с Крита ушел один корабль до острова Наксос, что неподалеку. Приплыл, оставил некий груз на пустынный берег и ушел назад. Я догадывался, что – вернее, кто был на том корабле. Да помалкивал.

ВЕРТУМН И ПОМОНА

Идти к метро, скользя по мокрой мостовой. Вот она – питерская весна с ее морозящим дождем, внезапными снегопадами: в понедельник снег растаял, кое-где заметны пятячки зелени, а уже в среду белые хлопья снова летят с неба. Но к пятнице сугробы уже превратятся в маленькие озера.

Весной в Питере все течет. По улицам несутся ручейки, по Неве – желтоватые льдины, в головах – потоки мыслей. Вот и приходится все время смотреть под ноги, чтоб не унесло течением.

Приложить карту к турникету, дожидаться, пока на экране появится: «Осталось 197», шагнуть вперед и вниз. На эскалатор. Когда он несет пассажиров, то создает иллюзию пусть и краткого, но отдыха. Можно замереть, осмотреть себя и оценить урон, нанесенный снежным дождем. Можно стоять, не двигаясь, небрежно облокотившись на поручень. Кокон одурманивающих запахов окружает, обволакивает. Одурманивающая сырость, резина поручней, холодный металл... Если закрыть глаза, можно представить, что лежишь на дне озера. Над тобой плавают лодки, по воде стелется солнечный луч, а ты лежишь. Волосы твои смешались с водорослями, а, может, и стали ими. Рыбы проплывают мимо тебя и не пугаются. Ты порой поворачиваешь голову – как странно, ты под водой, там нет воздуха, но ты спокойно лежишь. Только эта сырость становится все ощутимее, залезает в нос, в рот, затем в горло, легкие.

Встать между колонн, ожидая поезда, только не у края платформы. Стащить намокшие перчатки, размять замерзшие пальцы. Они гнутся плохо, приходится разминать руки по очереди: сначала правую, получается не очень, но вот она оживает, потом левую, получается уже лучше.

Заслышав поезд, встрепенуться и, когда он змеей вытянет перед тобой свое тело, сделать два шага. Вот и внутри. Повинуясь первобытному инстинкту соперничества, рывком добраться до свободного места. В такое время свободное сидение (даже между необъятной бабкой и девицей в шипастой куртке) дороже золота. Вот и все. Теперь можно позволить себе расслабиться, насколько это сейчас возможно, и проехать все семь станций. Можно достать телефон. Да, так будет лучше всего. Не ради новостной ленты, не ради смс, не ради очередной порции мемов от друзей. Ради одного-единственного чата.

Поезд едет. Все стучит – снизу, по бокам и как будто сверху. Если дать волю воображению, можно начать угадывать слова в этом гуле. Как будто десятки маленьких существ, человеку по колено, с мордочками, похожие на крысиные, но без злобы в глазах скандируют: «Земля говорит! Земля говорит!». Что же такое она говорит, так и остается неясным. Первая остановка, и это хорошо, потому что вопль человечков становится нестерпимым. Сколько ни пытайся услышать привычный металлический скрежет, все равно это будет только «Земля говорит!».

Выбрать нужный диалог, убедиться, что человек онлайн, и написать. Только ни в коем случае не «Привет», или «Как дела», или «Я еду домой». Что-то, что может быть написано только в вашей беседе.

Augusta: Земля говорит!

Sandra: Привет, дорогая! Предположу, что ты пишешь из метро.

Augusta: И не ошибешься.

Sandra: Представляю, как ты промокла. Погода, действительно, отвратительная. Я еле уговорила себя выйти в Магнит

Augusta: Промокла и, как следствие, замерзла. Пальцы сейчас вообще не слушались.

Sandra: Бедные маленькие лапки... Совсем белые, а должны быть розовыми. Меня бы подпустить к этим лапкам, я бы их быстро согрела

Augusta: Я еду... от отца.

Sandra: Ох... Не задался у тебя день

Augusta: Спасибо, что не спрашиваешь, как я съездила.

Sandra: Пожалуйста

Augusta: ...

Sandra: Я сегодня навещала сына

Augusta: Все по-прежнему?

Sandra: Увы... Его жена меня и на порог пустить не хотела

Augusta: Сочувствую. Мне хотя бы удалось попасть внутрь.

Sandra: И... он тебя выгнал?

Augusta: Да. Точнее, его молодуха. Заявила, что хочу присвоить себе их деньги. Во-первых, его деньги. У нее там ничего своего нет. Во-вторых, я хочу не присвоить, а спасти его от участия в этой афере.

Sandra: Тш... Успокойся

Augusta: Я уже спокойна. Я абсолютно спокойна. Я лишь пытаюсь понять... Почему он так легко...

Sandra: Послушался ее?

Augusta: Нет. Это как раз объяснимо. Почему он так быстро перечеркнул все, что у нас было? Всю нашу жизнь... после матери?

Sandra: может, потому что

Augusta: Я знаю, почему. Спрашиваю, а сама уже знаю ответ. Но спасибо.

Sandra: За что

Augusta: За то, что когда я расстроена, устала, ты утешаешь меня. Уже полгода. Спасибо за то, что ты со мной эти полгода. И не жалуешься. И слушаешь.

Sandra: а может у меня в этом свой расчет? дети со мной не общаются, получается осталась только ты

Augusta: Ты меня даже в лицо никогда не видела. Только на фото.

Sandra: Дам тебе совет – не трогай своего папашу больше. Пусть живет сам. Его проблемы – только его.

Augusta: Я попытаюсь. На этот раз попытаюсь.

Sandra: послушай мне надо тебе кое-что сказать

Augusta: Хорошо. Ох, моя остановка. Давай так: напиши – я отвечу уже из дома.

Выйти из вагона, оборвать наконец это бесконечное бормотание «Земля говорит!», так и не узнав, что же она говорит. Идти к эскалатору по плиткам, глядя только под ноги. Нет ничего, кроме усталости во всем теле и

этой спасительной ступеньки. Шагнуть на нее – и все. Она сама тебя повезет. Все почти закончилось.

Выйдя из метро, замереть, решая, надо ли заходить в магазин. Вспомнить о макаронах и остатках пиццы. Значит, можно не идти. Хорошо.

Дома ждут только обои с рисунком в виде переплетающихся цветов и виноградных лоз. Давно бы надо сделать ремонт, но деньги?.. Да и не только в них дело: жалко эти розы, этот виноград. Маленький кусочек лета. Не короткого питерского лета, а жгучего итальянского. Не хочется с ним расставаться. Поводов для грусти и так хватает.

Упасть в кресло, замереть. Вот бы так и остаться года и столетия. Вокруг все будет рассыпаться в прах, а сладкий сон так и не прервется.

Или прервется?..

Звонок в дверь. Тихо выругаться, спросить: кто, побежать (сильно сказано – скорее поковылять) открыть дверь.

– Максим? Что с тобой?

Старые друзья, с детства. Вместе в детский сад, потом в школу. Всегда рядом. Даже поступили в один вуз, хоть и на разные факультеты. Отучились. Общались, но уже реже.

Проводить его на кухню, усадить на диванчик. Что же случилось? На нем лица, как говорится, нет.

– Мне надо было поговорить с тобой.

– Я слушаю.

Эти руки, сложенные на коленях, как у благонаправной институтки, этот внимательный взгляд... Кое-что с годами не меняется. Жаль, что именно это.

– Я давно должен был это сделать. Я знаю, ты сегодня была у отца. Да, знаю, хоть ты и не говорила. Ты писала. Сегодня. Мне.

– Сандра? Моя Сандра?

– Да.

Спрятать улыбку за чашкой чая.

– Ты хочешь что-нибудь сказать?

– Да я уже знала, что это ты. Уже два месяца почти. Ты в беседе упомянул про тот случай на выпускном...

– Спалился...

– Именно. Тогда я догадалась. А Сандра?

– Взял фото двоюродной тетки. Она соцсети терпеть не может, не узнает.

– Это которая Александра... Как ее... Ну вот, а я все-таки догадалась.

– Но ты осталась, Марго.

Покрутить чашку в руках. Что ж, не только тебе надо в чем-то признаться, дружок.

– Осталась. Ты понимал меня. Выслушивал. С тобой было легко. Легко по-настоящему. Точнее, с Сандрой. У меня давно не было человека, с которым общаться было проще, чем дышать. Только вот почему?

– Почему? Да потому что... Я уже не знал, что мне делать. Я с ума сходил. Ты всех отталкиваешь и меня тоже. Меня-то за что? А так... мы общались. Ты доверяла мне. В этой беседе ты была только моей. Ты нуждалась во мне.

– Я не об этом. Почему именно сегодня? А, например, не завтра, не через неделю, месяц.

Листок выпадает из его рук, летит вниз. На нем видна бледная фиолетовая печать.

– Вот. Посмотри.

– Нет. Нет...

– Наш семейный рок. Узнал – и решил тебе сказать. А то, кажется, потом времени не будет.

Тишина. Только старые настенные часы стучат. Бабушкины. Никогда их не любила. Есть ведь новые, почти беззвучные. А эти – выбросить. Но почему-то они так и висят.

– Уже поздно, – очевидные, но бессмысленные слова.

– Да. Я пойду. Наверное, и приходить было не надо.

– Однако ты уже здесь. Может... может, останешься? Раз уж мы так друг другу необходимы...

– Почему ты не сказала этого раньше? Хотя бы неделю назад, когда я навещал тебя.

– Болезнь у тебя все равно выявили бы.

– Но я бы не знал... И у нас была бы неделя.

– Нет. Не была бы.

– Почему?

– Потому что Сандра ничего от меня не требовала. С ней я могла просто... быть. А скажи я, что открыла твой секрет, – пришлось бы объясняться, что-то решать. А мне хотелось покоя, покоя, покоя!

Он отодвигается на край диванчика, хотя куда еще?

– Я любил тебя.

– Я знаю.

– Ты верно сказала: уже поздно.

– Максим!

– Марго! Поздно. Для нас... уже поздно.

ЖРЕБИЙ АХИЛЛА

Я знал, что когда-нибудь ко мне придут. Призовут мою тень и начнут выспрашивать. Вечная память была мне обещана судьбой в награду за краткую жизнь.

Когда, говоришь, ты ослеп – год назад? Мне жаль тебя. Не за твою слепоту, а за то, что она поразила тебя столь молодым. Я сошел в царство мертвых давно, но до сих пор вспоминаю зелень травы, синеву небес и алый, как кровь врагов, рассвет. Тебе они тоже будут являться во снах. Ты будешь тосковать по ним: сначала – до конца твоих дней, с которыми уйдет и слепота.

Я расскажу тебе свою историю, как пообещал. Но с чего начать? Плести ли ее неспешно, с самого начала, как пряжа Клото? Или сразу перейти к тому, ради чего ты меня вызвал, – к Войне? Ты говоришь, что пришел за правдой. Ты ее получишь. Но сможешь ли выдержать ее груз? Начнем...

*

Даже в детстве я не верил в сказочку, что моя мать морская богиня Фетида, чьей любви домогался сам Зевс. Но именно эта байка прижилась в Элладе. Богов у нас, пожалуй, больше, чем людей, а божества всегда тянулись к смертным. Но я, если поначалу и верил рассказам отца, вскоре начал думать, что моей матерью была рабыня или гетера, приглянувшаяся отцу. Его первая жена умерла, второй он не обзавелся, вот и решил назначить наследником меня. Такая вот история любви на одну ночь или больше, если ей повезло.

Ребенком я бродил по дворцу и вглядывался в лица рабынь в поисках сходства. Может, одна из них моя мать? Но которая? Вот эта – у нее волосы светлые, как у меня? Отец говорил, что у меня кудри, как у Аполлона, и тут же в страхе оглядывался, не прилетит ли золотая стрела за богохульство. Или эта – крепкая и статная? Такая женщина могла бы понравиться отцу. Но полного сходства не было. Тогда я стал считать, что она давно умерла. Неизвестная мать превратилась в тень, подобную облакам, что наползают на солнце, но тут же улетают прочь.

Я помню последний день детства, когда думал еще о ней, но уже считал умершей. Я подошел к моему воспитателю Фениксу и прямо спросил, кто была моя мать. Старик впервые на моей памяти лишился своего важного вида.

– Она морская богиня, Ахилл. По велению богов она покинула супруга и вернулась в море, – глаза его при этом бегали. Феникс мог бы

сказать мне правду. Если боялся отца, так хоть на ухо, шепотом. Но он лишь повторил слова Пелея.

В тот день я перестал его уважать.

Я подхожу к больной теме – к рассказу о Патрокле. Спустя много лет я уже не могу вспомнить его черты. Кроме одного: вокруг глаз у него были морщины, как у людей, которые часто и долго смеются.

Я знаю, что говорят о нас с Патроком наверху. Знаю, о чем ты хочешь спросить, певец, да не решаешься. Я отвечу: некоторые тайны должны оставаться во мраке.

*

Патрокл прибыл в Эпир издалека, но никогда не рассказывал о доме. На родине он в драке убил какого-то мальчишку и приехал к нам за отпущением греха. Отец очистил его, а потом предложил остаться, составить компанию мне. Патрокл ответил, что решать не ему, а его папаше. Тот согласился.

Он был старше меня, но никогда не давал понять: я несмышлениш, которого ему навязали. Он охотно говорил со мной. Он смеялся и заражал меня этим смехом. Он умел находить ответы на все вопросы.

Однажды я спросил его:

– Как думаешь, я вправду полубог?

Патрокл улыбнулся. Хитрость сквозила в каждой черточке его лица.

– Может быть. Боги столь любвеобильны, что каждый человек должен быть их отпрыском.

Я еще не знал слова «любвеобильный», но по голосу его понял, что Патрокл смеется над богами. Детский страх охватил меня.

– Ты что? А если они услышат?

– Думаю, у них есть дела поважнее, чем подслушивать беседы мальчишек.

– Тебя покарают. Превратят во что-нибудь.

– Тогда про меня сложат легенду, – он зажмурился. – Как про охотника Кипариса или Гиацинта. Песнь о превращении Патрокла. Звучит красиво, не думаешь?

Я только шире распахнул глаза. Как, ну как он мог говорить такие вещи и улыбаться?

Тогда во мне зародилось это желание, которое сделало меня тем, кто я есть. Я захотел так же смеяться – над людьми, над богами. Заставить сердца трепетать от одного моего имени.

Когда мне исполнилось семь, мое детство закончилось. Отец позвал меня и Патрокла и объявил, что теперь кроме старого Феникса, у нас будет еще один учитель. Уроки с ним будут проходить в лесу. Я удивился, но не решился спросить, кто он такой. Отец гордо улыбнулся и добавил, что завтра нас отведут на первое занятие.

Конечно, мы с Патроклом не уснули в ту ночь. Едва ли не до рассвета шептались, каким же окажется наш учитель. И, конечно, не угадали.

Рано утром нас повели в сопровождении небольшого отряда стражников в лес. С нами был и старый Феникс.

Нас довели до святилища Геры, там маленький отряд остановился.

– И где наш учитель? – спросил я.

– Появится, – Феникс в тот момент сам походил на нетерпеливого мальчишку.

Я хотел задать очередной вопрос, но тут из-за деревьев вышел он и я забыл обо всем на свете.

Его волосы были темно-каштановыми, а в глазах читалась мудрость. Но гораздо больше глаз меня занимали лошадиные бока и конские ноги под человеческим торсом. Он неспешно приблизился к нам, а затем приветствовал едва уловимым кивком головы.

– Вот мальчишки, – произнес Феникс. – Тот, что младше...

– Ахилл, сын Пелея, – низким голосом договорил он. – Да, я чувствую в тебе божественную кровь.

– Кто он? – прошептал я и все-таки согнул спину. Инстинкт подсказал мне, что это лучше сделать побыстрее.

– Кентавр Хирон, друг богов, – зашептал в ответ Феникс.

Да, моей матерью была богиня. Когда тебе это говорит получеловек-полуконь, можно поверить.

Хирон стал нас обучать. Я долго верил, что тогда был невинным, но Хирон, сам того не подозревая, посеял во мне зерно порока. Моим первым грехом стала гордыня.

Он учил нас владеть оружием, и тренировки продолжались до трясущихся коленей и кровавых мозолей. Мы не злились на него за это, понимали, какая честь быть его учениками. Но к Патроклу он был...безразличен, что ли. А от меня требовал совершенства во всем. Я однажды спросил у наставника, почему так. Он ответил:

– Фетиде суждено было родить сына, который превзойдет отца. Тебе предназначено стать величайшим героем Эллады. Твоя воинская слава затмит даже подвиги Геракла.

Тогда я испытал прилив счастья. Я буду величайшим воином, сильнее Геракла!

Хирон что-то еще объяснял, но я не слушал. Я – божественной крови, я заставлю смертных и даже богов изумляться моим деяниям. Я стану великим, никто не помешает мне. Буду сметать своих врагов как опавшие листья с дороги. Ахилл, сын смертного Пелея, уйди с дороги, не то Ахилл, сын богини Фетиды, и тебя убьет!

Так пролетели три счастливых года, а потом отец Патрокла велел сыну отправиться в Спарту и посвататься к дочери царя Тиндарея Елене.

*

Буду честен. Я никогда не понимал этой шумихи вокруг Елены. Пусть даже она и «прекраснейшая женщина Эллады».

Я вообще не должен был оказаться в Спарте. Патрокл позвал меня с собой. Царь Спарты Тиндарей выдавал свою прекрасную дочь замуж. Как и следовало ожидать, претенденты отозвались из самых разных земель. Теперь я понимаю, что женихов манил трон Спарты, маячивший перед ними в пока неясных, но приятных мечтах. Сестра Елены Клитемнестра давно была замужем за Агамемноном из Микен, сыновья Тиндарея вот-вот должны были жениться на заморских царевнах и править в землях своих жен. За Еленой выстроилась бы очередь, даже будь она безобразна.

По малолетству я женихом выступать не мог, да и отец упорно не желал подыскивать мне невесту, что изумляло старого Феникса. Так что я был там, только в качестве гостя, а не жениха.

Царь объявил, что его дочь сейчас появится. Все, даже Патрокл, приосанились, хотя до этого он рассказывал мне, как не хотел сюда ехать, да пришлось по настоянию отца. Тяжелые двери распахнулись, и в зал в сопровождении рабынь вступила высокая женщина под покрывалом и прошла в центр залы.

– Как телушку на рынке показывают! – засмеялся я. Патрокл шикнул на меня.

Тиндарей откинул покрывало. Первое, что я увидел, – ее золотые волосы. Это меня удивило, ведь светлые головы в Элладе встречаются не часто. Стан у нее был тонкий, а лицо... Аэды называли его божественным, а на мой вкус – черты слишком резкие. Взгляд Елены в тот момент ничего не выражал, как будто она ни о чем не думала. А о чем ей было думать? Все, что нужно делать, ей подсказывал отец: шагать, улыбаться, стоять, кланяться. Потом я понял, что этот бессмысленный взгляд был у нее всегда. От Елены Прекрасной не требовалось думать, от нее требовалось только быть. Она опускала лицо, поймав восхищенный взгляд очередного жениха, но от меня,

мальчишки, не отвернулась. В том, чтобы быть ребенком, есть преимущество.

Была ли Елена прекрасна? Определенно, да. Но я уже тогда, до проклятой Войны, мог сказать: есть женщины прекраснее. Если бы я брякнул такое в тот день при женихах и Тиндарее, меня подняли бы на смех.

*

Один за другим женихи начали представляться. Уравновешенный Идоменей с Крита, крепкий Аякс Теламонид, Одиссей с Итаки с этой его нахальной улыбкой, мой Патрокл, веселый как всегда... Ну, а последними были братья Атриды.

Говорил только старший, Агамемнон. Он держал речь от имени брата. Якобы тот так волновался перед лицом царевны, которую давно (еще с детства!) любил, что попросил брата стать на время его голосом. У меня есть другое объяснение: младший, Менелай, стоял рядом со мной, так что я чувствовал исходящий от него запах вина. Время от времени лицо Менелая искажалось, он прикладывал ладонь ко рту. Когда Елена подошла к нему, он попытался изобразить смущенную улыбку. Агамемнон продолжал говорить. По его словам, для Елены не могло ничего быть лучше брака с воспитанником ее отца. Теперь, когда Атриды вернули себе трон Микен, Менелая нужна достойная жена. Кому же ей стать как не Елене, с которой он играл в детстве и которую уже тогда обожал? Агамемнон от лирической части перешел к деловой: этот брак мог бы стать началом великого союза между Микенами и Спартой. И прочее, и прочее. Тогда я еще не мог оценить его красноречия и открыто зевал, не обращая внимания на замечания Патрокла.

Ни политика, ни любовь меня тогда не занимали. Я рассматривал братьев-Атридов.

Они, тогда совсем молодые, были прекрасны как боги. Высокие, темноволосые, крепкие, но не горы мышц, как тот же Аякс, а стройные. Глаза Агамемнона, черные, как и у брата, сверкали лихорадочным блеском, когда он говорил о союзе с Тиндареем. Более ничего не выдавало его возбуждения. Голос спокоен, на губах – улыбка.

Представление Елены женихам закончилось, и гости должны были разойтись по отведенным покоем. Патрокл хотел отдохнуть, но я упросил его прогуляться в царском саду. Там же я попробовал уговорить друга вернуться домой.

– Неужели ты хочешь жениться на этой статуе?

– Совсем не хочу.

– Тогда давай уедем. Скажешь что-нибудь старому царю в наше оправдание.

– Не могу. Этот союз был бы выгоден моему отцу. Я должен остаться, пока Тиндарей не выберет мужа для дочки. Если он предпочтет меня, придется на ней жениться. Царские интересы, понимаешь?

Конечно, Елена не досталась Патроклу. Ее супругом стал Менелай. Мы с моим дорогим Патроплом вернулись к моему отцу.

Ты спрашиваешь, правда ли, спартанская царица досталась младшему Атриду по жребию? Да, правда. Как и то, что именно Одиссей с Итаки посоветовал Тиндарею такой способ – мол, пусть боги решают. Вот дело и решилось к взаимной выгоде Спарты и Микен. Тиндарею нужен был надежный союзник, а Микенское царство тогда быстро набирало силу. Агамемнон, как молодой царь, тоже нуждался в союзнике, и Тиндарей, уже связанный с ним через старшую дочь, более чем подходил на эту роль. Менелай тоже хотел править, но против брата пойти не осмеливался, а в Спарте ему подворачивался простой вариант, где надо было только жениться. Елена же... Да кто стал бы ее спрашивать.

До чего красивая история получилась! Красавица-царевна и юный царевич наконец могли упасть друг другу в объятия. Настоящий триумф любви.

Всего этого я своим десятилетним умом осознать не мог. Понимал я лишь одно – Патроклу не надо жениться на этой девице с пустыми холодными глазами. Мы вернемся домой, и все будет по-прежнему.

*

Катастрофа случилась спустя два года. Наши занятия с Хироном продолжались, и мы никак не ждали вести, на удивление быстро разлетевшейся по Элладе.

Елена Спарганская бежала от мужа.

Ну кто мог такое ожидать? Микены набирали силу – Агамемнон начал захватывать соседние земли. Менелай постепенно перенимал все больше власти от престарелого Тиндарея, чьи сыновья вскоре после свадьбы Елены загадочным образом погибли в далеких землях. И тут Елена, от которой никто ничего не ждал – ни рассудительного, ни бестолкового – бросает мужа и бежит в Трою. Город, который даже не был частью Эллады. С сыном троянского царя Парисом. Краса всей Эллады сбежала в чужеземный город.

Истинное отношение Менелая к супруге можно понять всего по одному факту: это Агамемнон, не Менелай, начал созывать воинов на борьбу с Троей. Царь людей произносил пламенные речи о том, как оскорблен его брат, как пострадала гордость всей Эллады, как важно не допустить дальнейшего вмешательства Трои в эллинские дела, а из самого несчастного супруга слова нельзя было вытянуть. Позже, когда я узнал Менелая получше, то понял: он неплохой человек. Порядочности в нем было больше, чем в брате, а алчности меньше. Он хотел всего лишь своего места под солнцем, а не всех земель мира, как его брат. Но брат навязал ему Елену, и Менелай послушался приказа. Тот даже из Микен им командовал. Спартой Менелай

правил справедливо, но вся его царская власть держалась на браке с Еленой да на могуществе его брата.

Агамемнон начал собирать войска женихов Елены, что дали клятву помогать счастливому избраннику и мстить за его обиды. Это означало, что Патрокл отправится на войну с войском своего отца. Когда друг сказал мне об этом, я словно вновь стал мальчишкой. Мне хотелось вцепиться в Патрокла и не выпускать его из нашего дворца – такого родного, такого тихого, где не было никаких опасностей. Если он отправится на войну, то может погибнуть. А я не хотел его смерти.

– Ты уедешь сражаться? – спросил я его.

– Придется, Ахилл. Я, как и прочие женихи Елены, принес клятву, что за обиду Менелая буду мстить как за собственную.

– Будь она проклята, эта Елена!

– Нет, Ахилл, таких слов нельзя произносить. Никогда не знаешь, чьи уши слышат нас, – вмешался отец.

Если он говорил о богах, то я был не против, чтоб они нас услышали. Пусть златокудрий Аполлон пронзит Елену стрелой, пусть девственная Артемида превратит ее в лесного зверя. Почему из-за распутницы с холодными глазами я должен терять друга?

Он уехал. Старый Феникс, прощаясь с ним, конечно, пытался скрыть свои чувства, но я разглядел капли в уголках его глаз. Даже моему отцу было тяжело. В Патрокле он нашел второго сына. Я не плакал и даже не обнял Патрокла напоследок. «Пора отвыкать от него», – сказал я себе. И при расставании между нами было сказано лишь то, что должно было прозвучать.

Ночью я не мог заснуть. У меня забрали друга, почти брата. Я был скорее взбешен, чем опечален, но мог только сжимать кулаки – ребенка, а не воина.

Мне вдруг захотелось увидеть отца. Пелей эти годы был мне и отцом, и матерью. Феникс даже считал, что старый царь слишком мягок со мной.

Я направился в покои отца. К моему удивлению, стражи у дверей не оказалось. Дверь была чуть приоткрыта. Я сквозь узкую щель я видел лишь две смутные тени. И слышал голоса – отца и...женщины.

– Его не заберут. Я не давал клятвы Менелаю. И потом, ему же только двенадцать, – горячился отец.

Ему ответил женский голос, звонкий как вода и столь же обволакивающий.

– Кто сказал, что это случится прямо сейчас? Многие цари ищут предлоги, чтобы увильнуть от войны. Агамемнону приходится пускать в ход все свое красноречие, сулить им богатые трофеи. Да и сам по себе сбор войска дело не быстрое, на него уйдет не один год. За это время Ахилл подрастет достаточно, чтобы принять участие в битвах. А что они придут за мальчиком – несомненно, вспомни пророчество.

Кто же эта женщина? Я не знал ни одной в нашем дворце, которая обладала бы таким завораживающим голосом и которая так спокойно, даже снисходительно говорила бы с отцом.

– Я его не отдам!

– Тогда Агамемнон просто выкрадет сына у тебя. Нужно сделать по моему, Пелей.

– То, что ты предлагаешь, звучит безумно, Фетида!

Фетида?! Моя мать... Я затрепетал. Не от того, что там за дверью стояла моя мать, но от того, что там стояла богиня, бессмертная, рожденная от древних морских владык.

Я распахнул дверь и вошел в покои отца. Пелей оборвал себя на полуслове и уставился на меня.

– Почему ты не спишь, сын?

Я не ответил отцу. Я смотрел только на нее. Принять ее за смертную женщину не мог бы никто. Такая красота не могла принадлежать человеческому созданию. Ее волосы – светлые, как у меня, – стекали, именно стекали на белые плечи. В ее лице было такое царственное величие, какого

не бывает у смертных. Даже у царей и полководцев. Она улыбнулась. Никогда мне не забыть этой улыбки. Как будто океан разверзается. Как будто падаешь в море с обрыва.

– Ахилл.

– Мать... – голос у меня вдруг оборвался. Я хотел подойти к ней, обнять или просто взять за руку. Но так и не решился. А она как будто и не подумала об этом.

– Ахилл, немедленно возвращайся в свои покои! – отец старался говорить твердо. Может, это было нарочно для Фетиды.

– Пусть останется, – властно сказала богиня. – Речь все-таки о нем.

Голос ко мне вернулся.

– Почему меня должны выкрасть? И при чем тут Агамемнон?

Пелей вздохнул, посмотрел на Фетиду. Она пожала плечами – мол, можешь объяснить. Отец подошел ко мне, обнял за плечи. С тех пор, как мне исполнилось семь, он так не делал.

– Твоя мать опасается, что Агамемнон захочет, чтобы ты присоединился к войску эллинов под Троей.

Я удивился. Пусть Патрокл из-за этого проклятого сватовства должен сражаться за ее возвращение, но я-то тут при чем?

– Но я же не один из ее женихов, отец, – растерялся я. – И я еще мальчик... Не воин.

Отец погладил меня по голове.

– Нет, ты уже подросток. Я думал, у меня будет время... Но годы летят так быстро.

И тут я испугался. Не от туманности его слов – от того, как погладил меня. Он давно так не делал. А сейчас как будто боялся, что возможности больше не представится. Ну, объяснят они мне, в чем дело?

Пелей набрал в легкие воздуха.

– Когда твоя мать еще и не помышляла о замужестве, Мойры изрекли предсказание: сын Фетиды будет сильнее своего отца. Боги испугались и решили: Фетида должна выйти за смертного. И в мужа ей выбрали меня.

Я бросил взгляд на мать. Она коротко кивнула, подтверждая рассказ Пелея.

– Мы справили свадьбу, на ней были все боги.

– Все, да не все, – прошептала Фетида.

– А когда ты родился, Фетида обратилась к Аполлону, он ведь бог пророчеств. И он объявил...

Пелей замолчал. Я видел, как трудно ему было продолжать.

– Он предсказал, – Фетида как будто была спокойна, – что ты сможешь выбрать свою судьбу. Либо ты проживешь долгую жизнь, станешь царем после Пелея, обзаведешься детьми, а когда умрешь – тебя забудут быстрее, чем забывают предрассветный кошмар. Либо ты станешь великим героем, величайшим воином Эллады. И умрешь молодым.

– А теперь Агамемнон собирает воинов со всей Эллады. И захочет, чтобы ты присоединился к нему, – закончил отец.

Они ждали от меня хоть какой-то реакции. Я молчал.

– Я по настоянию твоей матери отдал тебя в обучение к Хирону. Мудрость, сила – все это пригодится будущему царю, думал я. А теперь тебя могут забрать у меня.

Он боялся за меня. Это было видно. Но я не мог думать ни о чем, кроме предсказания. Я, Ахилл, сын Пелея, стану величайшим воином Эллады... Как осознать слово «величайший»?

– Но... если такова моя судьба... может, ей не стоит противиться, – осторожно сказал я.

Пелей вздохнул. Фетида скрестила руки на груди.

– Сын мой, я не могу тебя потерять. Не только потому, что люблю тебя, – отец старался, очень старался говорить спокойно, – а еще и потому, что ты мой наследник. Мой единственный наследник. Я хочу увидеть, как ты

женишься, как появятся мои внуки. Я хочу, чтоб ты правил в Эпире после меня. А слава – что это такое? Слава, доблесть...

Я попытался вывернуться из отцовских объятий. Пелей верно истолковал мое движение и сам отпустил меня. И нечто пролегло между нами и отделило нас друг от друга.

– Может слава дать мне нового сына? Может почет приставить раненому воину руку или ногу? Слава – ничто. Значение имеем лишь мы сами.

Он был пылок, а я не хотел его слушать. Бесстрашный, тщеславный как все юнцы, я думал лишь о первой части пророчества – о той, где говорилось о славе. И не думал о той, где мне предрекалась смерть.

– Твоя мать настаивает, чтобы тебя отослали.

– Да, настаиваю, – снова заговорила Фетида. – Ты не сможешь защитить нашего сына. Агамемнон заберет его у тебя. Нужно его спрятать там, где он и не подумает искать.

– Фетида хочет, чтобы ты отправился к царю по имени Ликомед и пожил среди его домочадцев, а лучше – притворился его дочерью или племянницей. У него их множество.

Что? Тут уж я забыл про всякую сдержанность и почтение. Мне носить платье девчонки? Притворяться девицей? Если я пока и не воин, то все-таки сын царя. Мне подобное не пристало!

– Ни за что! – крикнул я. Вынужден признать: вышло совсем не героически, а по-детски. Наверное, вид у меня был жалкий тогда: разобиженное дитя едва ли не в слезах топает ногой. Но они меня не услышали. Речь не шла о том, что выберу я, а о том, удастся ли Фетиде склонить отца на эту авантюру. Он еще колебался, не хотел разлучаться со мной, но сохранить меня желал больше. Какой же исход следовало предполагать?

Конечно, Фетида убедила моего отца в своей правоте. Как же иначе?

Я был отправлен к царю Ликомеру и должен был жить там, пока Агамемнон со всем эллинским войском не отплывет в Трою. Годы, проведенные у него, стали для меня мукой. Ночью мне снились битвы, хотя я еще ни одного убийства не видел. Днем я задавал себе один и тот же вопрос: неужели это мой удел – носить платье, откликаться на женское имя и прятаться от судьбы как трусливый раб от хозяина? Какое унижение для того, кто мечтал стать великим воином! Однако нашлась там для меня неожиданная отрада.

Имя ей было – Деидамия.

*

Мы сблизились не сразу. Мне, вынужденно облаченному в женский наряд, не представлялось, как и о чем можно говорить с дочерьми Ликомеда. Они, напротив, очень мной интересовались. Присутствие мальчика, уже почти юноши, будоражило их воображение. С возрастом их внимание ко мне только росло, и я начал думать, что затея матери сорвется именно из-за них. Я старался избегать их общества, насколько это было возможно.

Деидамия была не похожа на сестер. Не перешептывалась, с сестрицами, бросая в мою сторону красноречивые взгляды, – даже, когда нам уже исполнилось по четырнадцать лет. С взрослением в ней проснулась тяга к одиночеству. Это нас и свело. Два еще полуробенка прятались в саду Ликомеда, сидели у фонтана, поверяли друг другу свои печали. Я тосковал по дому, она ожидала, что со дня на день ее выдадут замуж и отправят на чужбину. Мало-помалу наши разговоры от горестей перешли к мечтам. Я рассказывал ей о доме и как будто переносился туда. Я еще не мог сказать, чего искал, когда мои ладони стискивали ее руки или прикасались к округлым плечам. Не мог сказать, чего хочу получить от нее.

Все важное в моей жизни, похоже, случилось ночью. Ночью я встретился с матерью. Ночью зачал сына. Была еще одна ночь, о ней рассказ впереди.

Два года прошли как несколько месяцев, два года я прятался среди женщин. В одну ночь отчаяние переполнило меня, и я выскользнул, сам не зная, зачем, в сад. Бродил по дорожкам, подставив лицо лунному свету. Затем в порыве ярости сорвал женский наряд. Все это не то, чем я должен заниматься, кем я должен быть. Избавившись от женского облачения, я почувствовал себя свободнее. Так узник в темнице мог бы ощутить, как его цепи... нет, не исчезли, а стали менее тяжелыми.

Услышав шаги, я стал натягивать хитон. Обернулся. Деидамия.

– Почему не спишь? – спросил я.

– Не могу.

– Не можешь или не хочешь?

Она рассмеялась и села на траву, окинув взглядом девичий хитон, надетый впопыхах и потому криво сидевший.

– Я понимаю. Это не та жизнь, которую ты хотел бы вести.

– Я рожден, чтобы стать героем. Я должен вести жизнь воина, а не прятаться. Зря отец согласился на предложение матери.

– Они хотели тебя спасти.

– Знаю! Прости. Я знаю. Но я уже ненавижу себя за бесконечные прятки. Я мужчина, я должен сражаться, для этого Хирон обучал меня.

Она положила руку мне на плечо. Я вдруг стиснул ее в объятиях. Хотелось зарыться в ее темные волосы и спрятаться от всего мира, от советов матери, от похотливых взглядов ее сестер. Так маленькие дети ищут утешения в материнских объятиях, которых мне изведать было не дано – с Фетидой мы не обнимались никогда.

От ее волос, ее кожи исходил приятный запах. Не аромат с Востока, а запах молодой женской плоти. Я, пытаюсь его поймать, коснулся губами ее шеи, мочки маленького ушка. Потом прикоснулся к ее губам – у них оказался кисловатый ягодный вкус. Похоже, она ела на ночь ягоды. Она не отстранилась, наоборот, прижалась крепче, и у меня в груди что-то

оборвалось. Я с новой силой сжал ее в объятиях. Хотел зарыться в ее волосы и лежать.

– Нас увидят, – прошептала она.

Я оглянулся, не выпуская ее из объятий.

– Никого.

Она, помедлив мгновение, отчаянным движением потянулась к застежке хитона. Я знал, что должен делать, но когда она сбросила хитон, и мы легли на него, меня охватил позорный страх. У меня дрожали руки и, чтобы скрыть это, я порывисто ее поцеловал. Если она и почувствовала мой страх, то ничем не выдала это. Мои руки стали действовать увереннее. Страх не исчез, но телом стало легче управлять.

Для нас обоих это было в первый раз.

Еще не одну ночь провел я с Деидамией. Я не перестал жалеть о жизни, которую вел, но в ее объятиях можно было забыться. Наконец она сообщила мне, что беременна. Ее слова подействовали на меня как гром среди ясного летнего неба. Вот только светило солнце, а сейчас польются потоки холодной воды. Я, конечно, знал, что могу сделать ей ребенка, но совсем не думал об этом. Меня пьянило осознание того, что я наконец стал мужчиной – пусть только по ночам. Больше я ни о чем не думал. И потом – я был уверен, что Деидамия пьет какой-нибудь отвар, чтоб не понести.

*

К ее отцу мы пошли вместе. Я ведь сын царя и богини, мне не пристало бояться. Но даже в его покоях я не представлял, как сказать, что я нарушил законы гостеприимства.

И все же в глаза Ликомеду я смотрел спокойно, голос мой не дрожал. Я что-то говорил, с трудом перемалывая слова во рту.

Опасения Деидамии оказались напрасными. Царь пришел в восторг от того, что его дочка принесет ему внука божественной крови. В самом деле –

что ждало Деидамию? Брак с каким-нибудь царьком, чьи владения уместились бы на заднем дворе ее отца? У Ликомеда было слишком много дочерей, чтобы обеспечить им всем хорошие партии. Он был рад возможности породниться с будущим великим воином и оставить сына Фетиды при себе.

– Так мы поженимся? – уточнил я.

– Как только войска Агамемнона уплывут под Трою. Сейчас еще опасно раскрывать твое нахождение.

В положенный срок Деидамия родила мальчика и была счастлива. Пока остальные дочери царя гадали, найдутся ли им мужья, она уже была моей невестой. А я думал, не должен ли я быть там, среди воинов, отплывающих под Трою? Фетида уверяла, что, отплыв туда, я уже не вернусь. Выигранные сражения за непрожитые годы. А я смотрел на это с другой стороны: годы увядания, тоски, может, нищеты или безумия в обмен на вечную память. Пока живут люди, я буду присутствовать на земле – в сказаниях, песнях. Да это ничуть не хуже, чем бессмертие олимпийцев!

Уйти в расцвете тоже не так уж плохо... Кое-кто бы со мной точно согласился, например, троянец Тифон, добившийся любви богини Зари. Она выпросила ему в дар вечную жизнь, только о молодости забыла. Он бы меня понял. Он бы точно обменял все прожитые годы в обмен на быструю смерть. Долгота дней для одних – лишь долгота бед.

Когда мне исполнилось семнадцать, Агамемнон еще собирал войска. За мной на Скирос приплыли хитрец Одиссей и его приятель Диомед. Я не стану удлинять рассказ и вспоминать о хитрости, которые проделали со мной. Они нашли меня и предложили отправиться с ними на приступ Трои. Что могло бы меня удержать? Уговоры старика-отца, извещенного Ликомедом, слезы Деидамии, вопли сына? Все это не могло меня остановить.

Я отправился брать Трою.

*

Что было самым ужасным в этой войне? Первые девять лет.

Нет, это не шутка, слепец. Первые девять лет мы не делали почти ничего. Нет, конечно, вначале Агамемнон провел переговоры со стариком Приамом, понял, что троянцы добровольно не вернут Елену, не признают себя подвластными ему, Царю людей. Тогда он выбрал долговременную осаду с безрезультатными атаками, вылазками, с каждым годом предпринимаемыми все реже. Потом наш лагерь просто стоял.

Для воина бездействие это самое страшное. Постепенно мы перестали понимать, для чего здесь находимся. Вернуть Елену Спартанскую? Так ведь это касается ее, Менелая и Париса, пусть между собой это решают. Да и кто из нас видел эту Елену? Только цари, предводители войск. Солдаты знать ее не знали и не хотели знать. Подчинить Трою, захватить ее богатства? Это было тайной мечтой Агамемнона, не Одиссея, не Патрокла, не моей. А воевать почему-то должны были мы.

Наши доспехи лежали без дела. Наши руки отвыкли от мечей и копий. И я понимал, как трудно будет нам снова взяться за них.

Мы, предводители войск, лучшие мужи, цвет Эллады, проводили дни в шатрах – сначала устраивали советы, а потом пьянствовали. Я был рад встрече с Патроклом. Мы вместе пили вино, играли в кости и представляли, что будем делать, когда вернемся домой. Я женюсь на Деидамии, мы с мальчиком уедем в Эпир к отцу и заживем там. Патрокл тоже женится на ком-нибудь, станет царем после своего старикана. Мы будем иногда навещать друг друга, может, наши дети подружатся, а то и до династического брака дойдет.

Понимал ли я тогда, что это не более, чем самообман?

К десятому году войны я сблизился с Менелаем. Он оказался неплохим человеком, только надломленным: вечно в тени брата, вечно на побегушках – непросто такое выдержать.

Менелай много говорил о своем несчастном браке. Как брат буквально вынудил его жениться на Елене – ему нужен был контроль над Спартой.

Сначала Менелай ничего не имел против Елены. Все-таки прекраснейшая женщина Эллады. И только потом ему стало ясно: женская красота со временем должна померкнуть, а с характером придется считаться. Елена не устраивала мужу истерики каждый день, но напоминала, что царский титул он получил исключительно благодаря браку с ней, а не за свои заслуги и даже не по праву рождения. Сама Елена была преисполнена гордости – как ни странно, не за красоту, а за происхождение. Еще бы, в ней течет кровь самого Зевса, царя богов. Чья кровь течет в Менелая? Убийц, кровосмесителей.

Вдобавок Елена оказалась настоящей фанатичкой. Никогда бы в это не поверил, если бы не говорил с ее мужем. Красота и религиозность, казалось бы, не лучшие спутницы друг другу. Елена решила это опровергнуть.

По несколько часов в день она молилась – девственной Артемиде, мудрой Афине, царственной Гере. Молилась ли она Афродите? Не знаю. Может, если бы поклонялась усерднее богине любви, и не случилось бы этой истории. Она превратила дворец в подобие храма, а Менелая нужен был дом, настоящий, с ласковой женой, которая будет ему улыбаться утром и вечером, с оравой детей. А что он имел? Женщину с холодными руками и алтарь вместо ложа.

Нет, не хотел Менелай возвращения супруги. И я его не осуждаю.

Каково это – жить с прекраснейшей женщиной Эллады? Каково это – жить с женщиной, которая ни во что тебя не ставит и у которой руки в постели холоднее, чем снег на вершинах далеких гор?

Один рассказ Менелая про их семейную жизнь запал мне в душу. Каким-то чудом им удалось зачать дочь, малютку Гермину. Старый Тиндарей к девочке отнесся равнодушно, он хотел мальчика для продолжения династии. А вот Менелай к девочке прикипел. То ли потому,

что она была его первым ребенком, то ли потому, что он находил в ней свои черты. Можно сказать, что в их семье именно он был матерью. Вот почему я назвал Менелая лучшим из Атридов. Он умел то, чего было не дано его брату, – любить.

И его отношения с дочерью остались крепкими, несмотря на годы, проведенные под Троей. Они буквально понимали друг друга с полуслова. С матерью у Гермiony такой связи не было.

Так вот, когда малютке еще не было года, она заболела. Маленькие дети часто болеют. Только Менелай так боялся потерять дочь, что чуть с ума не сошел. Менелай был уверен, что его дочь осмотрели и дали лекарство, но Елена поступила по-своему: развесила амулеты по углам комнаты. Ее муж тогда разбирал долгую судебную тяжбу: осел забрался на участок знатного спартанца, и тот жаждал наказать нерадивого хозяина. Такова жизнь царя: не только пить вино на ложе из роз и тискать рабынь, но и решать вот такие дела. Покончив с делами, молодой отец отправился к дочери и, положив руку ей на крошечный лоб, понял, что девчонка огнем горит. Он бросился к Елене и потребовал объяснений. Она лишь пожала плечами: не вмешивайся, я лучше знаю, что делать. Тогда Атрида-младшего впервые прорвало. Он кричал на жену, заявил, что она убивает ребенка. Затем оттолкнул ее с дороги и приказал позвать целителя для Гермiony. Девчонка-то поправилась, но тот случай Менелай запомнил на всю жизнь.

Но что-то должно было случиться. И вот наши разведчики донесли, что один из младших сыновей Приама и его самая младшая дочь решили отправиться в храм Аполлона за городские стены. Мы сочли это оскорблением. Троянцы настолько не боятся нас, что спокойно выезжают за город? Это нельзя так оставлять. Ценные пленники могли бы сделать Приама поговорчивее.

Наш отряд отправился к храму Аполлона.

Мне всегда было интересно, понимает ли человек, что сейчас его жизнь изменится полностью и возврата не будет. Вот я и узнал: нет никакого предчувствия. Мое сердце билось в тот день ничуть не сильнее, чем в любой другой. И мне не снились пророческие сны.

А между тем эта атака изменила не только мою судьбу. Она стала тем самым камушком, что первым катится с горы. А за ним идет лавина.

*

После девяти лет почти полного бездействия тяжело было брать в руки оружие. Агамемнон и сладкоречивый Одиссей пытались воодушевить нас: как же, покажем беспечным троянцам силу эллинов. Но простые солдаты с неохотой собирались на дело. Я, Менелай и Аякс Теламонид были предводителями отряда, мы, напротив, устали от пустоты дней и хотели дела, настоящего дела.

Это оказалось проще, чем мы думали. Троянцы даже не позаботились об охране для царских детей. Мы ворвались в храм с обнаженными мечами. А дальше... стали убивать. Жрецы, рабы падали как срезанные колосья на поле. Я рубил, резал и колол, когда на меня с мечом кинулся юноша, почти мальчик. «Отлично, – сказал я себе, – это уже честная схватка». Он хорошо держался: двигался легко, наносил удары уверенной рукой. Но я был быстрее.

И вот он лежит на полу храма, захлебывается собственным криком, а его кисть лежит в нескольких шагах от него. Я навис над ним, но удар пока не наносил, – хотел его разглядеть. Ему, должно быть, и двадцати нет. Лицо искажено болью. Я уже занес над ним руку. Погибнуть в схватке – это хорошая смерть, да еще от руки лучшего воина Эллады.

– Троиц! – рядом с юношей упала девушка, обняла его, словно могла защитить. И... я остановился. Клинок не пронзил тело юнца, а лишь уперся ему в грудь. Но я уже не смотрел на него. Я смотрел на нее. С головы девушки сорвалось покрывало, и светлые волосы рассыпались по плечам.

Синие глаза смотрели прямо мне в лицо. Все, кого я знал до сих пор, – отец, Патрокл, Деидамия, Елена, даже Фетида – растворились, отошли в туман. Не было ничего, только синева, явившаяся из прошлого, в котором не было ни Елены, ни Агамемнона, ни иссушающей разум войны.

Нет, ты не угадал, певец. То была не Брисеида, захваченная нами как трофеей. Да, мы захватили ее, она была моей рабыней. О Брисеиде я скажу, не беспокойся.

Только не подумай, что я остановил удар из-за прелестных женских глаз. Меня остановило бесстрашие, с которым эта девушка бросилась ко мне, почти подставилась под удар. Она обнимала этого юнца, как будто верила, что ее объятия могут спасти его от меча.

– Кто ты? – спросил я ее.

– Поликсена. Это Троил, – ее лицо, руки были странно бледными, и вся она была похожа на львицу с фрески в тронном зале отца. Грозная львица, оскалив пасть, защищала львенка. И львица сейчас сидела на полу передо мной.

– Это отпрыски Приама, – простонал кто-то позади меня.

Я обернулся. Какой-то раненый жрец корчился на полу.

– Это его самая младшая дочь, – хрипел старик. – Возьмите их и жриц можете забрать. Мы все отдадим, только смилуйтесь над нами

На лице Поликсены мелькнула гримаса презрения и тут же пропала. Я почувствовал, как мои губы сами собой кривятся в усмешке. Поистине, здесь служили бестрепетные и преданные старику Приаму люди.

– Что ж, милость так милость, – пожал я плечами. Подошел к старику и быстрым движением заколол его. Милосердная быстрая смерть.

Я оглянулся на Поликсену. В ее глазах скорбь отсутствовала.

– Что же вас привело сюда, царевна? Разве ты забыла, что идет война?

Она смотрела мне в глаза, как будто меня только что представили ей во дворце Приама, и продолжала обнимать брат.

– Мы поэтому и приехали в храм нашего покровителя. Отец решил – может, Аполлон смилостивится, если молитвы о прекращении войны ему вознесут самые юные, самые невинные из его детей.

Отправлять собственных детей за черту города в такое время – идея хуже не придумаешь.

– Похоже, Аполлон к вам больше не расположен, – я кивнул на отрубленную кисть юного Троила. Он чуть приподнялся в ее объятиях и, неловко задев обрубок руки, упал на пол с глухим стоном.

– Будешь умолять отпустить вас? – почему я до сих пор с ней говорю? Я давно мог схватить ее за волосы и выволочь из храма. Я имею на нее все права. Право взять ее тут же, хоть на разрушенном алтаре. Право своим мечом изуродовать ее нежное личико. Но почему я ничего не делаю?

– Нет. Я слишком хорошо понимаю, что ты не отпустишь такой ценный трофей. Только прошу, когда привезешь нас в эллинский лагерь, не разлучай меня с братом. Тебе же самому выгоднее, чтоб о нем кто-то позаботился, – за мертвого выкуп не дадут.

Мне понравилось, что она не давила на жалость, не плакала. Опиралась на здравый смысл.

Ко мне подошли Аякс и Менелай.

– Это и есть отпрыски Приама? И захватил их, конечно, ты. Теперь будет с кем ночи коротать, да, Ахилл? Она хороша, жаль, не мне достанется. Может, уступишь ее на пару ночей? Или ты ее Патроклу предложишь, когда надоест? – хохотнул Аякс. Я взъярился, но смолчал.

Мы вышли из храма. Воины тащили добычу – пленниками и золотом. Поликсена и Троил шли среди захваченных моими людьми пленников. Я невольно испытал уважение к сыну Приама: пусть он шел нетвердо, но на ногах держался. Поликсена помогала ему идти.

Я подошел к ней.

– Не разлучай меня с ним, – тихо сказала она.

Я увидел, как двое моих людей ведут коней, запряженных в колесницу. Должно быть, на ней царские дети приехали в храм.

– Сама до города не доберешься? – я уже понимал, что нет. Хрупкая девушка и однорукий юноша с конями не справятся.

Она, еще не веря, но с отблеском надежды покачала головой.

– С кем вы приехали сюда?

Поликсена указала на одного из захваченных мною слуг.

– Это наш возничий.

Я дал знак, чтобы его освободили, и велел ему отвезти царских детей назад в Трою. Он затрясся, не мог поверить, что его отпустят.

Аякс подбежал ко мне.

– Ахилл, так дела не делаются. Ты не отпустишь таких ценных пташек.

Я небрежно положил руку на меч.

– Они моя добыча. Значит, я решаю, что с ними делать. Хочешь это оспорить?

Аякс грязно выругался и отошел. Связываться со мной никто не хотел.

Аякс посмотрел на Менелая:

– А ты-то почему молчишь?

Менелай поморщился. Мне казалось, он хочет быть где угодно, но не здесь.

– Ахилл верно сказал. Они его добыча. Ему и решать, что с ними делать. Отправляемся назад в лагерь.

Поликсена помогла брату взойти на колесницу, вскочила на нее сама. Мгновение – и они уносятся в Трою, вновь свободные.

*Понимал ли я, певец, что в тот день произошло нечто удивительное?
Нет. Я думал, что забуду этот порыв милосердия.*

Я иногда думаю – можно ли воину проявлять милосердие? Даже один раз? Это как заплывать в море и обнаружить, что берег далеко, а сил уже нет, волны смыкаются над головой. Стоит один раз поддаться милосердию – прежним уже не будешь.

Поликсена была первой, с кем я был милосерден.

*

В своем шатре я отдыхал после набега. Наши воины радовались: наконец-то удача! Менелай сразу отправился к брату. Аякс пошел с ним – непременно расскажет, как я отпустил детей Приама. Ну и пусть. Уж я-то найду, что ответить Агамемнону.

Я приказал привести женщину, захваченную сегодня. То была Брисеида. Ты, должно быть, ждал более лестных слов о ней, но, поверь, предания переоценивают ее роль в моей жизни. Она была дочерью какого-то царька, пришедшего на помощь Приаму. Она – это я узнал уже от нее – хотела посвятить себя Аполлону. Но пришлось посвятить мне.

Что о ней говорить? Пленница, рабыня, дарящая удовольствие на несколько минут, не более. Я провел с ней ту ночь, и следующую, и много других. Но порой я смотрел на нее и с трудом мог вспомнить ее имя. Я старался быть с ней не грубым – видишь, милосердие начало себя проявлять.

Вечером того же дня Агамемнон призвал меня к себе. Он гневался за то, что я отпустил детей Приама.

– Да как ты посмел? – бушевал он. Я едва не ударил его. Я, величайший воин Эллады и сын царя, не намерен оправдываться перед ним. Да он царь Микен, но в скольких сражениях он поучаствовал лично?

Однако я позволил ему высказать мне упреки. Это Патрокл научил меня сдержанности.

– Может, ты и захватил их, Ахилл, но глава войска пока еще я. Ты обязан был доставить троянских выродков мне!

– Если Приам почти без охраны отпустил их за городские стены, должно быть, они не так уж ему дороги. Думаешь, ты бы что-то за них получил?

– Все равно ты не имел права их отпускать! Это был не только твой трофей, Ахилл, – это был трофей всего войска.

– Не странно ли, что под твоим командованием это наш первый трофей за десять лет?

Агамемнон поднял руку и тут же опустил. Но я это видел и все понял: он замахнулся на меня, хотел ударить.

– Поосторожнее со словами, царевич Эпира, – прошипел он. – Пусть ты и лучший воин в войске, но войско это мое.

Он гневался, но что еще он мог сделать? Поликсена и Троиил уже давно были в Трое. А он еще нуждался во мне.

Позже я узнал, что захваченная Менелаем другая жрица из храма, Хрисеида, стала рабыней Агамемнона. Сам ли отдал Менелай ее брату или тот приказал, я не знал.

Я уже столько рассказал тебе, певец, но так мало – о героях, бившихся под Троей. Я ищу, ищу нужные слова, которыми мог бы поведать тебе о них – хитром и всегда увливающим от прямого ответа Одиссее, крепком и немногословном Аяксе Теламониде, жестоком Диомеде, бывшим единственным другом Одиссея. Но слов нет.

И Агамемнон, и Одиссей, и Диомед – живые люди, а не герои преданий – были мне противны. А потом стали внушать ужас. Я боялся стать одним из них. Но кем же в итоге я стал?

*

В лагерь пришел Хрис, жрец Аполлона и отец Хрисеиды. Его допустили к Агамемнону, и он молил царя вернуть ему дочь. Предлагал громадный выкуп. Агамемнон отказал.

– Все сокровища Трои будут нашими, – в своей напыщенной манере заявил он жрецу. – Что мне твои крохи? Я предпочитаю оставить девушку себе.

– Зачем она тебе? – простонал старик.

– Пусть услаждает меня своей юностью и прелестью. А когда я вернусь в Микены, будет одной из рабынь. Мне по нраву проворные руки и смазливые лица.

Вот какую участь он ей готовил: днем – ткацкий станок, ночью – его постель. Агамемнон верил, что весь мир должен быть источником удовольствий для него одного.

Хриса с насмешками и бранью выгнали. А потом... в наш лагерь пришла беда. Болезнь.

Сначала умирали лошади, потом зараза перекинулась на людей. Как сейчас помню их раздутые гниющие тела. Врага можно поразить стрелой, копьем или мечом, но с этой напастью не справишься.

Мы оказались в отчаянном положении: вот прознавшие о нашей беде троянцы, а вот мертвые товарищи, чьи тела мы не успевали сжигать.

Агамемнон, Менелай, Одиссей и прочие – даже я – носу из палаток не выказывали. Не только из страха перед мором, но и перед нашими же людьми.

– Это кара Аполлона, – шептались воины. – Ахилл, Аякс и Менелай оскорбили его, разграбив храм, а Агамемнон – не уважив его жреца. Это из-за них обрушилась напасть.

Я не хотел это признавать, но больно делалось при мысли о том, как смотрели они на нас, когда мы вернулись с той вылазки и как смотрели теперь.

И все-таки я не верил, что могу умереть от заразы, хоть и знал, что не вернусь с войны, но ожидал более благородной смерти. Я уже сразил многих, но еще не понимал смерть.

Когда я впервые ощутил дурноту, то сказал себе: «Это пройдет. Это ничего не значит». Но через несколько дней я уже не мог подняться с постели. Тогда мне стало по-настоящему страшно. Я ощупывал лоб, щеки и не мог разобрать, есть ли у меня жар. А потом нащупал на шее какие-то волдыри и понял, что это конец.

Я еле открыл глаза, когда мне доложили о послых Агамемнона. Оказалось, под напором остальных полководцев Агамемнон вернул Хрисеиду отцу, но взамен решил взять себе другую женщину. Выбор его пал на Брисеиду. Я, как ни слаб был, понял, что это месть мне – за то самоуправство с детьми Приама. Да только месть Царю людей не удалась. К тому времени Брисеида мне давно надоела, я подарил ее Патроклу. Так послам и сказал.

Когда будешь рассказывать про это, певец, изобрази что-нибудь более благородное. Скажи: я пел про героев прошлого или нечто в этом духе.

Мой шатер теперь обходили. Еду, правда, приносили, но на лицах рабов я видел одно: «Он скоро умрет!». Я чувствовал, как эта мысль кружит над лагерем. Ахилл, которого Аполлон и Мойры называли величайшим воином Эллады, умирает как простой раб, покрытый язвами, валяющийся на своем ложе в собственных испражнениях. Должно быть, Агамемнон лютовал: вот я здесь, а пользы никакой не принес, только умер как пес.

Я лежал. Смрад стоял невыносимый от всего – разлагающееся тело, дерьмо, разбросанные объедки. Впрочем, мне и еду уже перестали приносить. Помню лютую жажду. Язык распух и вывалился изо рта. Глаза открыть сил не было. Что тогда было – ночь или день? Все-таки ночь, наверное, потому что, когда я невероятным усилием смог их на мгновение поднять, было темно. Я хотел пить. Я собрал все силы, приподнял голову и позвал.

– Воды! – из горла шел только хрип. Я решил попытаться еще раз. – Воды.

Никого. Может, меня просто не слышно?

– Пить!

Никого.

Это что – смерть? Я даже попытался встать, но тут же рухнул на ложе. Не столько от слабости, сколько от ужаса: увидел свою руку, она почернела, покрылась язвами. Я неловко задел гнойник, и он начал сочиться каким-то гнилым соком красного цвета. Я не сразу понял, что это моя кровь.

Неужели я так и подохну здесь, как собака? Патрокл, друг мой, брат мой, где ты? Менелай, мы почти стали товарищами, ты ведь не оставишь меня умирать? Одиссей! Я нужен вам. Помогите мне. Аякс! Прошу, дайте мне воды.

Кто-нибудь... Должен же тут кто-то быть. Хоть один раб. За каплю воды я дам тому, кто ее поднесет, золото, благовония, собственные доспехи. Я дам ему свободу. Я уступлю ему трон Эпира. Только бы воды.

Тут я потерял сознание.

Что привело меня в чувство? Кажется, приятный холодок на лбу. Я с трудом разлепил веки и увидел высокую фигуру в серебристых одеждах.

Мать. Фетида.

Я потянулся к ней, но был слишком слаб. Ее влажная рука поглаживала мой лоб. Мгновение спустя я ощутил, что к губам приложена чаша.

– Пей, Ахилл, – этот голос, которого я давно уже не слышал, мягкий как шелест волны, обволакивающий как небытие.

Я разомкнул губы и начал жадно пить. Это была не вода. Представь, певец, самое сладкое вино на свете. Представил? Так вот ему не сравниться с тем, что испил я.

С первого глотка ко мне вернулись силы. Еще один – и я смог приподняться на ложе.

– Что это было? – я хотел добавить «мать», но не стал. Не знаю, почему. Нет, на самом деле я знаю. Назвать эту ослепительную богиню таким земным словом... Я видел в этом что-то смешное и кощунственное

одновременно. А еще я не ощущал к ней той теплоты, которую испытывал к отцу или к Патроклу. Ни разу не испытал желания обнять ее, поведать ей свои горести и радости. Даже в нашу первую встречу.

– Амброзия, напиток богов, поддерживающая наше бессмертие.

– Но зачем?

– Я не могу тебя потерять.

– Это все равно случится. Я сам выбрал такой жребий.

– Я знаю. Но пока я могу уберечь тебя от смерти, я буду это делать.

Она провела прохладной рукой по моему лицу, и мои глаза закрылись.

Я провалился в сон.

Когда я очнулся, сквозь ткань палатки пробивался солнечный свет. Я не чувствовал слабости, напротив, я как будто родился заново. Я осмотрел себя: ни язв, ни даже старых шрамов еще со времен тренировок с Хироном. Грязная палатка вдруг внушила мне такое отвращение, что я бросился прочь. К солнцу и воздуху.

Воины, завидев меня, протирали глаза, перешептывались, а некоторые чуть не пальцами показывали.

– Это же Ахилл! Но Агамемнон сказал, что он умер!

– Нет, он сказал – «вот-вот умрет».

О, я не чувствовал себя умирающим! Я никогда еще не был более живым.

– Ахилл!

Навстречу мне шли Менелай и Аякс. Я хотел броситься к ним, но удержался. Не пристало мне, воину и царевичу, это делать. И где они были, пока я хрипел, задыхаясь, в собственном дерьме?

Менелай только кивнул мне, но в его глазах я увидел радость.

– Возвращаешься в строй? – Аякс слегка толкнул меня в плечо. – Как тебе удалось вылечиться, не представляю. У нас столько народу полегло ...

Я не хотел говорить про Фетиду. Поэтому лишь ответил:

– Все в руках богов...

Они кивнули.

– Я слышал, как наши воины перешептываются. Агамемнон, значит, объявил меня умершим. Интересно...

Менелай и Аякс переглянулись.

– Многое произошло, Ахилл. Слишком много, чтобы это можно было вот так обсуждать. Уверен, для разговора Аякс с радостью предоставит нам свою палатку.

Аякс хмыкнул и кивнул. Я понял, почему Менелай не позвал меня к себе, – боялся соглядатаев брата.

– Хорошо. Идем. Только где Патрокл?

Они снова переглянулись, и Менелай тихо сказал:

– Идем... без него.

В палатке Аякса мы приказали подать нам вина, и я приготовился слушать. Рассказывал Менелай. Аякс только иногда поддакивал. Умение красиво говорить среди его талантов не значилось. Вот вышибить кому-нибудь мозги другое дело.

– Итак, когда ты заболел, многие из нас впали в отчаяние. Но не Агамемнон. Когда ему доложили, что ты, должно быть, при смерти, он запретил врачевателям оказывать тебе помощь. Мы (и я, и Патрокл, и даже Одиссей) говорили ему, что ты в бою стоишь десяти человек, но Агамемнон отмахнулся: с ним одни хлопоты. Какую пользу он нам принес? Может, убил Гектора или хотя бы Париса?

Я не удивился. Агамемнон выбрал удачный момент, чтобы расплатиться со мной за маленький бунт.

– Ну, вот я жив и готов сражаться. Что произошло за время моей болезни?

Менелай вздохнул.

– Мор начал отступать. И троянцы предложили решить дело поединком. Я против Париса.

Я чуть не поперхнулся вином. Менелай, крепкий воин, выигравший не одно сражение, против кого... Мальчишки-пастуха. Если Парис и одержал какие-то победы, то только в постелях чужих жен.

– Так что же?

– Я почти сразил его. Он плохо метает копья. И с мечом еле управляется. Схватил за ремни на шлеме и потащил к нашим кораблям. Не знаю, что хотел сделать, – задушить или избить до смерти. И Агамемнон бы меня не остановил.

Я кивнул.

– Так ты убил его?

– Как же! – фыркнул Аякс. – В последний момент троянский гаденыш вывернулся и, скуля как псина, помчался к своим.

– Я хотел его добить, но как-то руки было жалко марать об него. Так и отпустил. Троянцы обещали вернуть Елену и еще заплатить, если я одержу верх, но, разумеется, этого не сделали.

Я поигрывал пустым кубком. Что ж, этого следовало ожидать. Будем продолжать войну.

– После поединка боги от нас отвернулись, – продолжал Менелай. – Уже в следующей схватке троянцы оттеснили нас почти до самых кораблей. И тогда... Патроклу пришла в голову идея.

Я посмотрел на Менелая. Он – не думал, что когда-нибудь его таким увижу, – казался смущенным. А то и печальным. Он как будто боялся говорить дальше.

– Что за идея?

– Он надел твои доспехи. Хотел тебя изобразить, чтобы утратить троянцев. И троянцы дрогнули.

Аякс опустил голову. Я не мог понять, чего они боятся. Того, о чем должны поведать дальше? Или... меня?

– Так, значит, Патрокл теперь герой?

Я обрадовался за него. Нет, я был готов поделиться с ним славой, с ним одним, да еще, пожалуй, с Менелаем. Подумать только: весельчак и озорник Патрокл выбился в герои. А ведь он из тех, кто предпочитает песни дев шуму битвы. Патрокл, друг мой!

– Герой, – Менелай заговорил тише. – Троянцы дрогнули, все, кроме Гектора. Он вступил в единоборство с Патроком и...

Меня охватило дурное предчувствие.

– Что с ним? С Патроком? Он ранен? Или... взят в плен?

Они переглянулись. Я ощутил приступ дурноты, как в начале моей болезни.

– Он убит, – коротко ответил Менелай.

Сердце ухнуло и упало куда-то вниз. Что он только сказал? Патрокл убит? Мой Патрокл, с которым мы росли вместе, тренировались? Нет, я просто ослышался.

Как Патрокл может быть мертв? Если бы он погиб, я бы почувствовал. На море встали бы волны величиной с гору. Небо окрасилось бы в багровый цвет – такой, говорят, плащ у воинственного бога Ареса.

– Гектор и еще один из Приамовых отпрысков поразили Патрокла в грудь. Я сражался с ним рядом и все видел, – Менелай протянул ко мне руку и тут же опустил ее.

– Что с его телом? Его забрали в Трою? Забрал Гектор?

Отдать тело павшего товарища врагам – худшее, чем мы могли отплатить Патроку за смелость. Троянцы бросят его без погребения. Не совершат обряды. Душа Патрокла не попадет в царство мертвых и будет вечно скитаться впотьмах.

– Нет. Мы не позволили этому случиться.

– Менелай отбил твоего друга, – закивал Аякс и тут же оборвал себя. – Тело твоего друга.

Я всегда знал, что Менелай – хороший человек. Мало кто из нас стал бы рисковать собой ради мешка с костями.

– Мне надо его увидеть.

– Ахилл...

– Мне надо.

Что ты пытаешься так отчаянно сказать, певец? Ах, в преданиях говорится по-другому!.. Но я-то тебе рассказываю подлинную историю, а не ту, которую ты заучил с малолетства.

Да, я, великий Ахилл, лежал покрытый язвами как обычный бродяга. Да, плевать мне было на эту Брисеиду. Да, я не выходил из своей палатки, потому что голову поднять не мог, а не из-за обиды на Агамемнона.

Такова моя история, певец. Ты сам хотел ее выслушать. Впереди будет еще много дерьма.

Я не рыдал над телом Патрокла. Не только потому, что опасался разговоров за спиной, хотя слухи о нас ходили по всему эллинскому лагерю. А еще и потому, что не мог осознать его гибель. Ведь это же Патрокл – мой товарищ, почти брат. А я полубог Ахилл. Не могло с нами случиться ничего дурного.

Троянцы, которых я убивал до этого, ничего для меня не значили. Я не знал их имен, не видел, а значит и не запоминал их лиц. Они не преследовали меня ночами. Ты удивлен, певец, но постарайся меня понять. Я познал смерть над телом Патрокла. В тот момент я испугался: что, если остаток дней мне суждено провести, представляя это бескровное лицо с узкими губами, горбатым носом и знакомой родинкой на щеке? А потом вспомнил: остаток-то дней будет коротким. Я ведь не вернусь из Трои.

В тот день я познал не только смерть, а кое-что еще. Страх.

*

Ты хочешь знать, убил ли я Гектора? Ну, конечно. Это неизменно: Ахилл должен был убить Гектора. Ахилл и убил. С чего бы такой вопрос?

А, ты начинаешь понимать, что моя история не те красивые предания. Ты начинаешь сомневаться. Как и я. Мы пройдем с тобой этот путь вместе: от сомнения к осознанию.

Странно было после вести о смерти друга волноваться о таких простых вопросах, как вооружение. Мои доспехи, взятые Патроклом, достались Гектору.

Когда дойдешь до этого, придумай что-нибудь покрасивее. Ну там, моя мать-богиня принесла мне новые, дар богов, и прочее... Описывай лучше их, а не то, что мы творили. И в кого мы превращались...

Ну а я взял доспехи одного из наших знатных покойников, с которым мы были одного роста. В подземном царстве он и без них обойдется. А я рвался в бой. С троянцами. С Гектором. С Парисом. С Агамемноном, если придется. Со всем миром.

И я участвовал в следующей атаке на Троию. Вот тогда я заставил их вспомнить (или осознать), почему меня нарекли величайшим воином Эллады.

Не умею я описывать битвы. Сражаться в них умею, а вот говорить о них – нет. Как слова найти для нее? То была настоящая бойня, а я был главным мясником. Со мной в тот день что-то случилось. В начале сражения меня охватила небывалая ярость. Должно быть, оттого, что я думал о погибшем Патрокле и распалял себя против Гектора. Я непременно должен был его убить – так я говорил себе всю ночь. И в бой я вступил другим человеком. Голова стала тяжелее, перед глазами встала какая-то красная пелена. Я словно перестал видеть – и все же мой взор был ясен, я просто глядел через эту красную пелену.

Я убил многих в тот день. Я прорывался через ряды троянцев к их городу. Я колол, резал, иногда топтал их. Я готов был их грызть и рвать, если бы потребовалось. Никогда я такого не чувствовал. Мой разум воспринимал лишь одно: цели, которые нужно уничтожить. Может, оно и к лучшему, а то

бы я задался вопросом: что со мной? Ни в одном сражении я не чувствовал такого.

Мы прорвались к реке Скамандрий, что протекала у самых стен Трои. Я резал троянских псов и кидал тела в реку. Скамандрий уже захлебывался трупами людей и лошадей. А мне все было мало. Какое странное чувство: я готов залить кровью весь мир. Взять Трои, всю Элладу, взобраться на Олимп. Я пробиваю чью-то грудь. Я разрубаю кому-то голову. Я перерезаю горло. Я мчусь, я вою, я торжествую. Я слышу вопли умирающих – вокруг меня или в моей голове? И тут все изменилось.

Река забурлила. Я кожей почти ощущал ее гнев, ее ярость. Да, она была в ярости, как и человек. Как я. Из воды поднялась фигура, ростом с меня. Я увидел длинные серебристые – именно серебристые, а не седые, – волосы и бороду, венчик осоки на голове. Нельзя было не заметить и глаза. О, эти глаза! Проживи я тысячу лет, я не забуду эти глаза. Они излучали силу, они сияли на этом бледном лице. Они не могли принадлежать человеку. Я уже видел такое. Моя мать тоже излучала силу. Но я знал, что она желает мне только добра. Этот бог был разгневан.

– Как ты смеешь мутить мои воды? Кто ты такой? – голос не громоподобный, но приводящий в трепет. Во всяком случае, сражавшиеся мгновение назад рядом со мной воины дрогнули и начали отступать.

Но я-то сам сын водной богини.

– Ахилл, сын Фетиды. Эллинский воин.

– Оставь в покое мою реку и убирайся прочь!

Я рассмеялся. Да, не удивляйся, певец, я вовсе не утрашился. Да я бы и Зевсу в лицо расхохотался тогда.

– Мне нет дела до твоей реки, а закончу я, когда решу сам.

Скамандрий – кто же еще? – изумленно воззрился на меня. Ему возразил смертный.

– Попридержи язык, юноша. Думаешь, мать спасет тебя от моего гнева? Ты мнишь себя сейчас равным богам, но ты лишь игрушка для предводителя эллинов.

Бог исчезает. Река бурлит. Ее воды обрушиваются на меня.

Как приятна водная прохлада разгоряченному дневными трудами телу! Холодные струи смывают пот, а с ним – усталость, раздраженность. Так у пастухов, землепашцев, рыбаков. Но не у воинов. Поток, обрушившийся на меня, ударил меня в грудь, заполнил мой нос, мой рот. А затем он поволок меня на дно, где нет ничего, кроме холода и ила. Как можно было противиться этому? И все же я сражался. Я слепо размахивал мечом и наносил реке удары. В какой-то момент я смог открыть глаза и увидел дерево, нависшее над водами разгневанной реки.

Не знаю, что помогло мне спастись. Может, мысль о том, что Патрокл останется неотомщенным. А может, то, что я почти смирился со смертью. Ведь это мне предначертано. Но тут же в моем разгоряченном разуме как оса взвилась другая: неужели столь жалкой будет смерть – без доблести, без погребения? Я, сын Пелея и Фетиды, не могу так умереть. Я рванулся и ухватился за ветви. К счастью, они не обломились подо мной. Я подтянулся и выбрался из воды на берег. Рухнул на землю, начал отплеываться.

Я и теперь не могу вспоминать тот миг без содрогания. Обо мне говорили, что я один стою целого войска. И я встретил равного противника.

Итак, я выбрался. Шлем утерян. С меня льют потоки воды. Как не потерял меч, не знаю. Хвала богам, не иначе. Но более всего меня удивило то, что красная пелена исчезла. Ярость исчезла. Я не мог понять, какая сила могла заставить меня бросить вызов богу, пускай и незначительному.

– Ахилл! – я обернулся и увидел одного из мирмидонцев. – Троянцы отступают. Приам велел открыть ворота. Они бегут!

Надо было решать, что делать. Можно было преследовать их, как перепуганных зайцев. Хотя мне был нужен только один.

– Тогда я побегу за Гектором.

Мирмидонец хотел меня остановить, но побоялся. Правильно сделал. После случившегося я сам себя боялся.

Я двинулся к Трое. Прежнего запала я не чувствовал, потому разжигал в себе ярость против Гектора. Я напоминал себе, что именно он убил Патрокла, и старался не обращать внимания на возникающие вопросы. Но ведь убийства на войне – обычное дело? Но ведь иначе Патрокл убил бы его? И самый страшный: почему Патрокл не остановил Агамемнона, когда тот почти «приговорил» меня?

Я видел, как троянцы бежали за надежные крепкие стены. Бежали от меня. Да, в тот миг вся Троя как единое тело боялась меня.

Но он не дрогнул, хоть и командовал отступлением. Ворота закрылись, а он стоял. Он ждал меня.

Мы сходились. Я поймал его взгляд, но не смог выдержать. Будто тяжесть на плечи навалилась. Я прикрыл веки и почувствовал себя Атлантом, с которого сняли тяжесть небесного свода.

– Ахилл, – голос спокоен. Мы стояли напротив друг друга. Я задрал голову, посмотрел на городские стены. Женщины Приама наблюдали оттуда за нашими сражениями. Наконец-то им посчастливилось увидеть что-то стоящее. Выходила ли туда Елена? А если да, то о чем думала: желала ли поражения нам или наоборот хотела, чтобы ее забрали? Но я высматривал не Елену. У одной из стоящих женщин были светлые волосы, но лица ее я разглядеть не мог – слишком высоко было.

– Ты жаждешь меня убить, – заговорил Гектор. – Чем бы ни закончилась наша встреча, – он взмахнул рукой, – клянусь: тебе мертвому не причиню вреда и тело твое верну эллинам. Окажешь ли ты мне такую же милость?

В тот день я был не склонен миловать.

Гектор метнул в меня копье. Бросок был хорош, не могу отрицать. Я не успел отскочить в сторону, только щитом прикрылся. Копье почти пробило его. На пиру мальчики поют, что этот щит мне подарила богиня-

мать. Можешь сочинить что-нибудь в этом духе. Эта выдумка будет честнее остальных.

Я отбросил искореженный щит в сторону. Теперь настал мой черед метать. Думал ли я, что могу промахнуться? Нет. Не потому, что был уверен в своей руке, в своей силе. Я был рожден для этого удара, был обязан его нанести.

Я хорошо помню, как это случилось. Я поднимаю копьё, отвожу руку и... Мне нет нужды смотреть. Я знаю: все, что должно было произойти, свершилось.

Гектор лежал на земле, раскинув руки. Я дошел до него. Вытащил копьё. Он открыл глаза и заговорил, преодолевая боль:

– Рано радуешься, Ахилл. Аполлон отомстит за меня. Ты никогда... не возьмешь... Трою.

Он замолк. Глаза его стали пустыми и невидящими. Я повернулся к рядам эллинов и потряс копьём. Они разразились приветственными криками. Наконец-то! Наконец мы что-то сделали: не храм разграбили, а нанесли удар в сердца всех троянцев. И нанес его я. Меня охватила буйная радость. Захотелось, чтобы триумф – когда тысячи эллинов выкрикивают твоё имя с радостью и гордостью – длился вечно. Или хотя бы подольше не оканчивался. Что бы для этого сделать?

Я снял с Гектора его пояс. Связал им ноги поверженного противника и поволок к своим. Выглядело это, должно быть, совсем не героически: я, иногда смахивая с лица пот, волок по земле мертвое тело. Но приветственные крики не умолкали. Еще бы, я убил лучшего воина Трои. Я привязал Гектора к своей колеснице, и торжествующее войско отправилось в наш лагерь. Там мы бросили тело.

В тот день каждый – особенно те, у кого Гектор убил сына, брата, друга – считал своим долгом подойти и плюнуть на мертвое тело, пнуть ногой. Особо изобретательные даже мочились. Я хотел им сказать, что уже ни к чему издеваться над ним. Но промолчал. Их бы это не остановило.

Полководцы устроили пир в шатре Агамемнона. Я пил и хохотал вместе с остальными, но не мог выбросить из головы ту мысль, нившую как застарелая рана, потому отозвал Менелая и вывел его из шатра. Маленький праздник был в самом разгаре. На наш уход никто не обратил внимания, что было обидно. Но если вдуматься, ничего удивительного: Менелай вечно оставался в тени брата и подчинялся ему, а я... Мою жизнь определило пророчество. Мы были как камешки, которыми играют дети у порога хижины, – куда кинешь, туда и покатятся.

– Что ты хотел узнать? – Менелай сразу перешел к делу.

Ох, как нелегко мне было это выговорить.

– Когда я заболел, почему Патрокл не остановил Агамемнона? Я видел что-то неуловимое в глазах Менелая, но так и не мог это разгадать.

– Он был больше озабочен тем, как бы забрать твои доспехи. Когда Агамемнон заявил, что с тобой все кончено, Патрокл сказал: «Туда ему и дорога».

Я покачнулся и, чтобы устоять, схватил Менелая за плечи.

– Нет! Неправда! – но в глазах его прочел лишь жалость и понял, что так и было.

– Агамемнон поддержал идею Патрокла притвориться тобой. наших едва ли обмануть удастся – все-таки весть о твоей болезни разнеслась по лагерю. А вот троянцы поверили.

– Почему... он так...

– Я об этом тоже думал. И, кажется, понял. Он устал жить в твоей тени.

– Что?!

– Ты был маленьким любимцем своего отца, а он... Его собственный папаша так сына не жаловал, что отослал к Пелею. Хирон не скрывал, что отдавал предпочтение тебе. Конечно, у тебя же было предназначение. Это твоей матерью была богиня, это тебе прочили великое будущее. А что досталось ему? Обьедки от пирога, называемого жизнью.

Я схватился за горло. В груди заболело. Я понимал: Менелай прав. Мы с Патроклом держались вместе, но мое имя упоминалось чаще, и с большим трепетом.

– Но он был со мной ласков, всегда. Так мил...

– А что ему оставалось? Он был гостем в Эпире, нуждался в покровителе. И быть на втором месте – значит все-таки быть допущенным к состязаниям. Он поэтому так в ту битву и рвался. Хотел заполучить твою славу лучшего воина.

В голосе Менелая звучала старая боль. Он знал, каково это – быть чьей-то тенью...

А я... так привык слышать ото всех о собственной избранности, что и сам поверил в нее. Но когда что-то пошло не как хотелось, закусил губу и чуть не в слезах кричал: «Неправда!». Этим словом можно было назвать все, что было мне не по нраву.

– Я тебе благодарен за честность. И за доброту.

Менелай улыбнулся одними уголками губ.

– Ты единственный, кто мне благодарен.

Да, его почти ненавидели. Как же иначе – за его женой мы приплыли сюда, за его жену умирали.

– А ведь я не хотел сюда ехать, – продолжил Менелай. Тут я удивился.

– Зачем тогда просил брата собрать войска?

– Так я и не просил. Я рассказал о побеге Елены, попросил совет. А братец тут же придумал, как из этого пользу извлечь.

Сотни воинов погибли, семей наших мы уже десятый год не видели. Что там за польза такая? Но спрашивать не пришлось.

– Он давно на Троию глаз положил. На ее сокровища. Вдобавок слишком быстро растет мощь троянского народа. Того и гляди превратится в угрозу для нас. Вот Агамемнон и решил: объявим войну, соберем войска. Кто мог подумать, что все это так затянется...

Вот так. Все мы умирали за амбиции Агамемнона. Хотя... может, это не худший вариант. Земли, золото, власть. Это то, чего хотят все люди. Смерть за это понятна. Куда лучше, чем сражаться за неверную жену.

– А ты, сын Атрея? Чего хочешь ты?

Он молчал, и я уже решил, что не дождусь ответа, но Менелай разлепил губы.

– Я хочу домой. У меня там дочь.

– У меня отец.

– И невеста? Деидамия, верно?

Я споткнулся об это имя. О ней я не вспоминал уже... сколько?

– Да, Деидамия. Ты, по крайней мере, можешь к дочке вернуться. А я уже нет. И я сам это выбрал.

Надеюсь, продолжение моей истории не слишком тебя... ошеломило? Ведь мы вошли в века вместе – Ахилл и Патрокл, два неразлучных друга, почти брата. Я уже говорил – я знаю, что о нас говорят. Но, поверь, никакая бесстыдная фантазия не сравнится с правдой. Патрокл был равнодушен к Ахиллу. Патрокл взял его доспехи. Патрокл хотел стать новым Ахиллом.

Но на его погребении я все-таки был. Агамемнон настоял. Он же решил, что я должен зарезать на алтаре двенадцать троянских пленников. После церемонии я решил упиться допьяна. Хоровод призраков кружился в голове: лица тех, кого я любил и ненавидел. Одни плакали, другие проклинали. И только одно казалось ясным – лицо Поликсены Троянской.

В следующие после погребения Патрокла дни мной владело одно желание – снова стать собой, перестать быть игрушкой то Агамемнона, то Мойр. И одно желание плавно перетекло в другое – закончить войну. Пусть Менелай вернется домой, к своей малютке, хотя она уже не малютка. Пусть я вернусь к старику Пелею. Пусть Аякс, Одиссей, даже

Агамемнон вернется домой. Но такое было бы возможно, если бы одна из сторон пошла на уступки.

Идею мне подал – только не смейся – сам Приам. Он явился в наш лагерь за телом сына. Царю встать на колени и целовать руки, убившие его сына? Тогда я понял, в кого у Поликсены были и эта смелость, и то ледяное спокойствие, когда вокруг нее витала смерть.

Приам говорил что-то о моем отце, как тот будет плакать над моим телом. Речь его, несомненно, была весьма трогательна, но я почти не слушал его. У меня созрел план. Я вернул тело Гектора без выкупа, но кое-что все же захотел в обмен – присутствовать в Трое на погребении первенца Приама. Старик удивился, но поклялся, что пока я нахожусь в Трое, никто мне вреда не причинит. Только я и не боялся. Может, я потерял себя, но по-прежнему был сильнейшим воином Эллады.

*

Вместе с Приамом и его еще живыми детьми я стоял у погребального костра Гектора. Старик, не отрываясь, глядел в пламя, как будто хотел поймать образ сына и спрятать его под старыми веками. Я рассматривал царских детей. Обрюзгшего Деифоба, следующего по старшинству после Гектора. Париса, тоже располневшего и потерявшего почти всю свою прелесть. Высокого стройного Гелена, наделенного даром прорицания. Мы сталкивались с ними во время тех редких сражений, что вели девять лет, но так близко я их не видел ни разу. На лицах у них читалась враждебность пополам с презрением. Скорбь была только у Приама. Они понимали, что ни стоят мизинца Гектора. И Приам это понимал.

Я поискал среди царевичей Троила, но не нашел. Гелен заметил, что я оглядываюсь, и подошел ко мне. Мне, должно быть, следовало трепетать перед «гласом богов», как величают ему подобных, но я лишь коротко кивнул ему.

– Кого-то высматриваешь? – вот так просто спросил он.

– Да. Младшего из вас. Троила. Я с ним как-то скрестил мечи.

По лицу Гелена пробежала тень.

– Он умер. Его рука загноилась, и он скончался в мучениях.

Этот храбрый мальчик... После Гектора он был, наверное, лучшим из сыновей старика. Не струсил, вступил со мной в бой, защищая сестру, хотя был без доспехов. И точно не увозил чужих жен.

– Я не желал ему гибели.

Смешок.

– Правда, не желал. Что, ваш покровитель Аполлон не помог ему?

Гелен вдруг улыбнулся какой-то только ему понятной шутке.

– У нас слухи ходят, что Аполлон когда-то любил Гекубу. Да-да, она удостоилась его внимания, потому он и покровительствует Трое. Говорят даже, что кто-то из детей Приама вовсе и не от Приама...

Золотые волосы Поликсены теперь не казались странностью.

– Так почему Аполлон не спас царевича дорогого ему города?

– Троила отказался от лечения, – тут уж я не смог скрыть удивления, но Гелен и без моих вопросов продолжал, – В храме Аполлона, что вы разграбили, служила жрица Хрисеида. Ее ведь взял себе Агамемнон.

– А Троила тут при чем?

– Он был в нее влюблен, даже хотел жениться. Хрисеида ему отказывала. Мол, хочет посвятить себя божееству и сохранить чистоту.

Тут я не удержался и хрюкнул от смешка, рвущегося наружу. Пришлось даже рукой закрыться, чтоб никто не услышал.

– В лагере она спуталась с Диомедом. Не знаю подробностей. Как-то сбежала из-под охраны и пришла к Диомеду. Надеялась, что он выкупит ее у Агамемнона.

Гелен кивал, подтверждая мои слова. Он знал эту историю. Агамемнон узнал о побеге и был в ярости. А Диомед и не собирался забирать Хрисеиду. Красивая рабыня – неплохая забава на несколько ночей, но вечно ее держать у себя Диомед не собирался. А потом девочку вернули отцу.

– Агамемнон рассказал старому Хрису, как дочка его потеряла невинность. Тот хотел это скрыть, но с ним были наши люди – сопровождали и защищали старого жреца. Они и разнесли эту новость. Троиц ... расстроился.

Я пожал плечами. Похоже, Хрисеиде грубый нрав нашего Диомеда пришелся по душе.

– Умирать из-за женщины... На мой взгляд, глупо и грешно.

– Однако мы все это делаем уже десять лет, – заметил я.

– Он расстроился не потому, что она не была девственницей, когда вернулась. А потому, что ему она пела ему о желании остаться невинной и легла под этого эллина.

То есть, под врага. Я понял причину страданий юного Троица. Смерть идеала для некоторых означает гибель сердца.

Гелен в молчании смотрел на меня, потом спросил без обиняков:

– Для чего ты здесь?

Я посмотрел ему в глаза. Его взгляд я мог выдержать. В отличие от Гектора. Нет, мне пора перестать думать о Гекторе. Он мертв и сожжен.

– У меня есть предложение к твоему отцу, – Гелен поднял тонкие брови. – Я хочу закончить эту войну. И все, кто сейчас глядит в пламя этого костра, останутся живы.

– Твои друзья к этому не расположены.

Тут я улыбнулся.

– Я нашел способ, как их убедить.

После того, как тело Гектора сгорело, Приам позвал меня в свои покои. Он не забыл об охране, а еще с ним был его самый преданный советник – Антенор. Сыновей не было – я настоял.

Приам долго смотрел на меня, ничего не говоря, наконец, выдохнул:

– Как ты намерен прекратить войну?

– Очень просто: вы вернете Елену и сокровища Менелая, что Парис вывез из Спарты.

Приам вздохнул. Антенор посмотрел на меня со снисхождением. Как на дитя несмышленное.

– Они хотят взять всю Троию. Все наши богатства. Они уверены, что смогут это сделать, и Агамемнон или Одиссей убедят их биться дальше.

Но я-то знал: победа будет за мной. Не за троянцами или эллинами. За Ахиллом, сыном Фетиды и Пелея.

– На этот раз у вас будет невиданное преимущество.

– Какое?

– Я.

Приам резко втянул ноздрями воздух и опустился на подушки. Антенор подался вперед. Даже стражники переглянулись.

– Я буду сражаться на твоей стороне, Приам. Против Агамемнона. Против Одиссея. Против Аякса... Против, – я не смог так же легко, как остальные, произнести следующее имя, – Менелая. Ты скажешь, что один воин – это мало. Пусть так. Но ты мог убедиться, что я стою целого войска. И они это знают, что куда важнее. Еще со мной мои мирмидонцы.

Антенор прищурился. Приам хватал воздух. Они мне не верили. Один не мог верить, другой не смел.

– Слишком складно, чтобы быть правдой, – заметил Антенор.

– И все-таки это правда. Я – лично я – буду сражаться за Троию и за тебя, Приам. Если они решат продолжать войну, то я их уничтожу.

Приам решился заговорить:

– Но зачем тебе это? Ты предлагаешь мне слишком ценный дар. Мне придется что-то дать взамен.

– И у тебя есть то, что мне желанно более всего.

Тут я солгал. Желаннее всего мне была бы голова Агамемнона на блюде. Или хотя бы Одиссея.

– И что же это? – Приам стиснул морщинистые руки. Антенор подался вперед.

– Твоя дочь. Поликсена. Хочу ее в жены.

Приам ничего не ответил, будто пораженный этими словами. Я, скрывая волнение, торопливо заговорил:

– Когда война закончится, я увезу Поликсену домой. Она станет царевной Эпира. Твои внуки после меня станут царями и полководцами. Ей там будет хорошо.

Старик все молчал. Я не понимал причину. Даже безмолвное потрясение имеет свои границы. И страх могильным червем закопошился в груди: а ну как Приам откажет? Только с чего бы?

– Почему именно Поликсену? Как ты вообще про нее узнал?

– В день, когда мы напали на храм вашего обожаемого Аполлона, она была там. И вела себя храбрее ваших жрецов. Только такая дева и достойна меня.

Приам прикрыл веки, затем сделал знак стражнику.

– Приведите Поликсену.

Она пришла быстро. В темных траурных одеждах. Отец разрешил ей откинуть покрывало, и я увидел ее покрасневшие глаза. Мне захотелось ее утешить. Сказать, что все плохое кончилось, и теперь будет только радостное – победа Трои, наша свадьба, долгая жизнь. Но я понимал, что эти слова едва ли возместят ей потерю брата. Она, должно быть, сильно любила Гектора. А я его убил... Я показался себе чудовищем в тот миг.

Приам объявил дочери, что я готов защищать Троию в обмен на брак с ней.

– И я согласен на предложение сына Пелея. На ближайшем собрании я объявлю о вашем предстоящем браке.

Я ждал от нее хоть какой-то реакции. Она одарила меня коротким взглядом, поклонилась отцу и ушла. Я ждал всего – возмущения, слез, недоумения – но не молчания. В мыслях я уже видел себя победителем Агамемнона и ее мужем. В мыслях я уже был в Эпире с нею. Но ее молчание разбило мои фантазии.

Знаешь, певец, с открытым ртом ты похож на рыбу, выброшенную на берег. Что ты там бормочешь?

«Ахилл не мог перейти к подлым троянцам, не мог...»

Смог, уж поверь, и перешел. Да, ради женщины. Но не только из-за нее. И я не жалею об этом даже теперь. Это единственное стоящее, что я сделал в своей жизни. Кем я был до этого? Мальчишкой, мечтающим о славе? Глупцом, возомнившим, что можно переломить Рок и вырвать два дара у судьбы – героем стать и быть счастливым? Жестоким убийцей? Игрушкой гордецов и плутов?

Я захотел стать чем-то иным. Стать лучше. Начать жизнь заново, хоть это и казалось невозможным. Я решил, что если я остановлю войну, спасу оставшиеся невинные (и даже виновные) жизни, значит, я чего-то стою. И это стоит того, чтобы остаток моих дней прошел без славы и без битв.

Без битв, впрочем, не получилось.

*

Приам объявил о том, что отныне я Трое друг, а Поликсена – моя невеста. Новость вызвала шум. Одни не верили, другие видели в этом приближение победы, третьи не понимали, как Приам может идти на сделку с убийцей его любимого сына.

Мои недавние товарищи (а теперь, выходит, враги?) были словно в оцепенении. Ахилл бьется за троянцев? Немыслимо! Мои воины... Они были овечки, отбившиеся от стада. Еще недавно они воевали с троянцами, пили за гибель царевича Гектора, а теперь им говорят, что их предводитель – друг Трои.

Одни плакали, проклинали, но пошли за мной. Другие так привыкли повиноваться и желали окончания бойни, что увидели в этом надежду на скорое возвращение домой. Были и такие, что, не дослушав меня, плевались и уходили. За мной они не пошли.

Мы решили провести еще одни переговоры с эллинами. Я настоял, чтобы в них принял участие Менелай. Мне казалось, с ним проще всего будет договориться.

Агамемнон, Менелай и Одиссей прибыли. Мне не сразу стало ясно, что я боюсь встречи с ними. Что ж, говорил я себе, буду смотреть только на Менелая и говорить только с ним. С ним одним и можно договориться.

Переговоры прошли ужасно. Агамемнон сразу начал сыпать оскорблениями. Прошелся по мне, по отцу, по матери, по всей родне. Я был к этому готов. Когда царь Микен ненадолго замолчал, я изложил свои условия: троянцы возвращают Елену и сокровища Менелая, а Агамемнон уводит свои войска. Менелай как будто был готов принять предложение, но Агамемнон ему и слова не дал вставить. Заявил, что и без меня возьмет Троию, а меня вздернут как изменника и бросят псам.

Словом, переговоры не удались. Когда они уезжали (теперь я и говорил, и думал только «они», больше не «мы» – никогда), Менелай подошел ко мне и спросил:

– Почему?

– Я хотел прекратить войну. Выбрал остаться живым, хоть и невоспетым.

– Если будешь биться против нас, можешь и не остаться живым.

– Зато буду знать, что пытался это остановить.

Мы долго смотрели друг на друга. Я пытался запомнить его лицо, еще хранящее следы былой красоты. В детстве я думал о переговорах: как так – люди, которые завтра, может, сегодня будут резаться, говорят друг с другом, иногда даже пируют? Теперь понял, как.

– Если мы сойдемся в бою, – сказал Менелай, – я тебя убью.

– Нет. Если мы сойдемся в бою, я тебя убью...

– Но я этого не хочу, – не слыша меня, договорил он.

И тут я как будто первый раз его увидел. Менелай, больше всего мечтающий вернуться домой, к любимой дочери. Сражавшийся за тело Патрокла. Доверивший только мне тайну его несчастливого брака с Еленой.

Он протянул мне руку. Агамемнон этого не видел, был занят разговором с Антенором.

– Хочу попрощаться с тобой, не как с врагом.

Уголки моих глаз защипало. Еще мгновение – я бы бросился к нему на шею или упал в ноги. Но я просто вложил свою ладонь в его. Одиссей неодобрительно цокнул языком. Они ушли, а я смотрел невидящими глазами перед собой и шептал: «Менелай... друг мой... брат мой...»

Не Патрокл. Менелай. Запомни это, певец.

Хочу, чтоб ты уяснил: не ради Поликсены, я пришел к троянцам. Она была лишь сладкой наградой, а целью моей было сделать хоть что-то стоящее, например, завершить войну. Хотел одним ударом разрубить узел наших судеб.

Не вышло.

*

Потом были сражения, в которых я участвовал. Побеждал, разумеется. Войско Агамемнона сильно поредело. Весть о том, что я теперь им враг и сражаюсь за троянцев, повергла их почти в ужас.

Что я чувствовал, убивая их? Печаль. Не ту красную ярость, как в день убийства Гектора (да, убийства, это было именно убийство), а глубокую печаль. Я успокаивал себя тем, что я-то как раз пытался остановить кровопролитие, а они отказались. Но помогало это слабо. Еще я каждый раз благодарил судьбу за то, что не пришлось сражаться с Менелаем. Я говорил: еще несколько дней, и Агамемнон сдастся.

К этому все шло. К нам, прослышав о переломе в войне, пришла подмога: амазонки под предводительством прекрасной Пентесилеи и эфиопы

во главе с сыном богини зари Мемноном, дальним родственником Приама. Мы устроили пир по такому случаю. Амазонки затеяли шуточные бои с троянцами. Мемнон рассказывал о чудесах далекой Эфиопии. Приам даже на том пиру сказал, что Мойры забрали у него любимых сыновей, но взамен дали такого, что стоит их всех. Меня передернуло от этих слов, но я только улыбнулся.

Только Поликсена меня избегала. Когда я видел ее в коридорах или в дворцовом саду, она тут же уходила. Я пытался с ней заговорить, но каждый раз отступал. Ее братья, за исключением Гелена, по-прежнему видели во мне врага, разумеется, скрывая это. Такое отношение меня не задевало. Между нами легли тела их братьев и друзей.

И, разумеется, Андромаха, вдова Гектора ненавидела меня искренне и заслуженно. Когда я встречался с ней взглядом, то находил в нем такую злобу, что тут же отворачивался. Даже Агамемнон в день переговоров не смотрел на меня так. Если нам случалось оказаться в одной комнате, ее взоры, как два кинжала, скользили по моему телу. Она, должно быть, жалела, что взглядом нельзя убивать.

С амазонками и эфиопами мы уничтожили половину греческого войска за пару дней. Не думай, певец, что мне было легко убивать эллинов. Я скорбел. Днем резал, а вечером оплакивал.

И это случилось. Агамемнон решился пойти на мировую. Он назначил встречу с Приамом. Никто уже не сомневался, что он согласен на любые условия, лишь бы все кончилось. Просто уплыть ему остатки гордости не позволяли. Он заберет Елену, и на этом все.

Я решил: это лучший вечер найти Поликсену и объясниться с ней. Вышел в сад, подставил лицо ветру. О, боги! Сколько времени прошло с тех пор, как я лежал в другом саду, сжимая в объятиях другую женщину. Кажется, это было так давно... Может, в другой жизни? Или не со мной?

Я услышал позади шорох и обернулся. Реакция у меня отменная, скажу без хвастовства. Ко мне шла женщина в белых одеждах. Ее светлые волосы были распущены. Но не Поликсена – Елена.

– Ахилл, – голос еле слышный.

– Елена, – я подумал, не поклониться ли, но не стал. Много чести.

– Я жду уже десять лет. Я хочу вернуться домой. К отцу и дочери. К мужу.

Мне стало смешно.

– Тому самому, от которого ты сбежала?

– Не думай, что я не жалела об этом. Каждый день. Должно быть, то Афродита меня околдовала. Парис – трус и развратник. Он Менелаю в слуги не годится. Он... держал меня при себе и выхвалялся мной, но ему плевать на меня. Он изменяет мне, но и пусть. Я рада, когда он не спит в наших покоях. Он... Парис такое со мной делал. Смотри! – она быстрым движением отодвинула браслеты с рук, и я увидел лиловые синяки на ее запястьях.

– Менелай бы так никогда не поступил. Мы ссорились, но он никогда себе такого не позволял.

Теперь она плакала. А я смотрел на нее и в первый раз видел не золотую красавицу, не бесчувственную статую, не презираемую распутницу, а просто женщину, которой не повезло влюбиться в подлеца.

Я не знал, как ее утешить. Я хотел найти Поликсену. Но что я мог сказать одной женщине, когда не мог найти слова для другой?..

– Ты скоро вернешься домой. Менелай простит тебя, и все забудется как дурной сон.

– Когда сменится луна? Или еще через год?

– Теперь уже скоро, Елена. Одиссей и Менелай убедят Агамемнона пойти на мировую. Завтра переговоры.

Елена вздохнула. Она мне не верила, и я понимал, почему. За эти десять лет мы стали тенью прежних себя.

– Ты презираешь меня? – спросил я.

– Нет, – тихо сказала она. – Не мне кого-то презирать. Парис тебя ненавидит. Будь осторожнее.

– Буду, – пожал я плечами. Я уже привык, что кто-то всегда хочет моей смерти. – А теперь скажи-ка, где покои Поликсены?

Проникнуть в покои Поликсены оказалось несложно. Дворец Приама уже спал.

Я присел на краешек ее ложа. Какой хрупкой она показалась мне в тусклом свете. Светлые пряди обрамляли бледное лицо, казались лунными лучами. Я осторожно взял мягкую прядку.

Хотя мой возраст приближался к тридцати годам, я все еще испытывал какой-то необъяснимый страх пополам с робостью перед женщинами. Можешь не верить, певец, но за всю жизнь я до сих пор плотски знал только двух женщин – Деидамию и Брисеиду. Деидамия утешала меня, когда я страдал. Брисеида была трофеем и неплохо скрашивала вечера. Я расстался с ними без сожалений, когда нужда в них отпала. А дочь Приама... Она была рождена для меня.

Поликсена проснулась и открыла глаза. Не закричала, даже не дернулась.

– Я бы сказал, что не хотел тебя будить, но это будет наглой ложью.

– И чего ты хочешь?

Лучше сказать напрямую. Я ведь всегда привык идти напролом.

– Ты ненавидишь меня? За твоих братьев – Троила и Гектора.

Она нахмурилась.

– Тебе нужно мое прощение?

– Нет. Хочу ясности. Если твоя ненависть ко мне велика, то по окончанию войны я не стану на тебе жениться. Нет, я добьюсь того, чтобы Агамемнон увел войска, а потом... уплыву сам... домой, – я неуверенно произнес это слово, будто пробовал неведомое лакомство на вкус. За десять лет я и забыл, что есть дом.

– Ты убил моих братьев, мои братья убили твоих соратников. Вы убиваете нас, мы убиваем вас. На войне не стоит ждать, что никого из любимых не заденет.

Эта девушка говорила вещи, которые я осознавал, но не мог выразить. Но мне нужно было, наконец, понять...

– Так ты ненавидишь меня?

– Ненавижу, – легко ответила она.

Я вздохнул. Не на кого досадовать, кроме себя. Я ведь говорил тебе, певец, что хотел получить все – и славу, и счастье. Похоже, счастье мне ни при каком раскладе не светило.

– Ненавижу, – повторила Поликсена. И почти беззвучно добавила:

– И люблю.

Тогда я коснулся ее щеки. Наверное, ей с такой нежной кожей моя рука показалась совсем загорбевшей, потому что она вздрогнула. Я отдернул пальцы. Но она приподнялась на ложе, обняла меня за плечи, улыбаясь. Описывать ее улыбку, что пытаться руками ухватить порыв ветра, когда он летит мимо тебя, или языки костра, уносящиеся в небо. В тот момент все в Поликсене было пронизано невыразимой прелестью, какой я не видел у Елены. Я хотел обнять троянку, но колебался.

Как мне с открывшейся истиной жить?..

...и как не причинить ей боли, я ж скорей руку себе отрублю...

...но без боли жизни не бывает.

Ночью мы так и не сомкнули глаз.

Меня можно упрекнуть в безрассудстве, но я-то думал, что беру свое. Она была объявлена моей невестой, я исполнил – почти исполнил – свое обещание ее отцу. Так почему же я должен был сдерживаться?

Но очень скоро мне напомнили два правила, которые я так и не усвоил. Не собирай хлеб с поля до того, как он взойдет. И не поворачивайся спиной к ощерившемуся псу.

*

Едва забрезжило утро, я ушел. Вышел в сад, поежился – дул прохладный ветер.

– Ахилл!

Ко мне приближался Гелен. Со мной он был любезен, но я побаивался его – поди знай, что у прорицателя в голове.

– Еще солнце не встало, а ты уже на ногах?

– Мне... не спалось. Думал о предстоящих переговорах, – как бы отвязаться от него? Вернуться в свои покои, прилечь на ложе, будто всю ночь там и провел. Может, задремать удастся.

– Меня посещают дурные видения о Трое, – я хотел возразить: все уже позади, но Гелен поднял руку. – В начале войны я получил знак от богов: Трое в ближайшие девять лет ничего не угрожает. И вот девять лет прошли.

Он помолчал.

– Вчера я обращался к богам. Я гадал в храме. Но не увидел нашей победы.

– Кто же разберет богов? – нетерпение мое прорвалось. – Но теперь все позади: Агамемнон согласился на новые переговоры. Он, конечно, будет настаивать на возмещении ущерба, но для богатого города это не проблема, – я заметил взгляд Гелена и поправился. – Не такая большая проблема. Главное, вы сохраните Трою.

– Переговоры... Ты слишком полагаешься на них. Да еще на свое воинское искусство. Я ясно видел – боги неблагосклонны к Трое. Особенно царица Гера и мудрая Паллада.

– Зато у вас есть Аполлон и Арес. И я.

Гелен усмехнулся. Но тут же его лицо исказилось страхом.

– Ахилл, ложись!

Реакция у меня отменная. Тут же рухнул вниз, перекатился по земле, пытаюсь укрыться за деревом. Но неизвестный враг меня опередил: стрела пронзила пятку.

– Остановись! – гневно кричал Гелен.

Выдергивая наконечник из раны, я ощутил, что тело перестает меня слушаться, и открылся противнику. Еще две стрелы прилетели: одна в руку, другая в спину.

– Парис! – вопил Гелен. – Остановись, глупец!

Теперь я понял, кто на меня напал. Парис выпустил еще стрелу, но промазал. Я разглядел на его лице смесь самодовольства и злобы. Гелен бросился к нему.

– Что ты наделал? Он был нашим спасением!

– Он хотел забрать у меня Елену... – о Гекторе и Троице Парис даже не вспомнил.

– Да ты с ней давно ложа не делишь. А отец уже решение принял. Войну надо прекратить.

– Она все равно моя! Забрать ее не позволю! – Парис говорил не вполне связно, похоже, бражничал всю ночь, и хмель еще не выветрился. Но лучник он искусный.

– Да этот полубог был ценнее трех таких, как ты! Он почти выиграл для нас войну. Что скажет отец, ты представляешь? – надрывался Гелен. Он подбежал ко мне:

– Ахилл! Не вставай. Я позову лекаря.

Он схватил Париса за руку и потащил куда-то во дворец. Парис не сопротивлялся, торжество сошло с его лица. Представил, наверное, последствия моей смерти.

Я, вопреки совету Гелена, пытался встать. Не получалось. Тело не слушалось. Краем глаза увидел идущую ко мне женщину. Увы, не Поликсена – Андромаха. Она подошла и опустилась рядом со мной на корточки, не мигая, смотрела мне в лицо.

– Помоги, – прошептал я. Меня охватил страх от того, что тело не повиновалось. – Прошу...

Она вытащила из волос заколку с острым концом и – я протянул руку, чтоб ее остановить, но не успел – вонзила мне ее в горло.

Какое ужасное это чувство – покидающая тебя жизнь. Я пытаюсь дышать, но кровь заливает горло. Пытаюсь выплюнуть ее – не выходит. Последнее, что увидел в земной жизни, – лицо Андрوماхи, холодное, как камень. Я знал, всегда знал, что она не простила мне смерти мужа. Надо было держаться настороже... Этого следовало ждать...

Агамемнон будет торжествовать... Поликсене не суждено стать моей женой... Поликсена...

И тут я умер.

Вот такая смерть, певец, – не на поле боя, даже не на переговорах. Отравленная стрела и женская заколка... Говорят, мы получаем смерть, которой достойны... Ты, выслушавший мою историю, ответь мне: я заслужил это?

Мне осталось досказать эпилог. Обидно обрывать песню на последней строке. Но ты дрожишь и боишься слушать правду.

*

Я шел за моим проводником по темному коридору пещеры. Он был высок, изящен. Шлем с двумя крылышками покрывал его голову. Он держал в руке факел.

– Почему ты провожаешь меня? Кто справил обряд погребения над моим телом? – мой голос прозвучал робко, так непохоже на меня.

Он обернулся. В преданиях и песнях мы представляли его шутником и весельчаком, но сейчас он был серьезен.

– Приам отдал твое тело эллинам. Агамемнон хотел просто бросить труп собакам на съедение, но Менелай сам провел над тобой обряд.

Менелай снова доказал свое благородство.

– Значит, меня погребли по всем правилам?

– Да.

Мы вышли на берег подземной реки. Воды ее были темными как сама ночь. Нас ждала лодка. В ней сидел худой старик. Гермес протянул ему плату за перевоз.

Прежде чем сесть, я спросил у бога:

– Меня отправят на... Поля наказаний?

– Нет. Отец, – он указал на потолок пещеры, – распорядился, что тебе предоставили место в Элизиуме. Тебя ждет вечное блаженство.

Мне бы обрадоваться, возблагодарить его за добрую весть, но я не унимался, понять хотел.

– Но почему?

– За попытку прекратить войну. Видишь ли, наш Громовержец питает симпатию к троянцам, уж не знаю, почему. Может, из-за того мальчика, Ганидема... Он давно даровал бы им победу, да жена с дочкой против. Насели на него и талдычат: Троя должна пасть, Троя должна погибнуть. Он уступил, но тебе подарил вечность в Элизиуме.

Я уже поставил ногу в лодку, но не удержался от последнего вопроса.

– Что будет с ней?

– Троя падет, как и должно быть. Ты лишь отсрочил ее гибель.

– Я не о Трое. Что будет с Поликсеной?

Он улыбнулся:

– Скоро узнаешь.

И я узнал.

Как описать Элизиум? Пожалуй, можно сказать, что он похож на лес, в котором растут стройные тополя, кипарисы и лавровые деревья. Но приглядевшись к ним, видно, что листья на них словно сделаны из драгоценных камней – изумрудов, возможно. Под ногами растут цветы – им нет числа. Розы, гиацинты, нарциссы. Их лепестки – рубины, сапфиры,

топазы. Есть и плодовые деревья: я видел апельсиновую рощицу. Там растут апельсины-топазы, размером с кулак. Из них можно выдавить сок. Представляешь, выдавить сок из камня? Я пробовал его – ничего прекраснее нет. Похоже на амброзию, которую мне матушка давала. Может, она делается из этого сока, не знаю. Смертному, наверное, неприятно было бы касаться этих листьев и лепестков, а нам, теням, они кажутся нежнее любой ткани.

Мы бродим по лесам, по рощам, срываем плоды. Среди нас немало музыкантов, и мы можем плясать и петь дни напролет. Впрочем, «дни» здесь весьма условны. А надоест – предайся любви или нескончаемым беседам с теми, кого любил при жизни или обрел уже здесь. А захочешь покоя – пойдешь к Лете, реке забвения, нарви страшных пышущих огнем маков и вдыхай их аромат, чтоб унести в грезы и воспоминания.

Но я любил приходить на берег другой реки – Мнемозины, реки памяти. Она могла являть мир живых. Так что я все видел.

Как троянцы втащили в город огромного деревянного коня. Как ночью из его чрева вылезли воины и открыли ворота. И поток эллинов кинулся разграблять город и убивать жителей. Среди них особенно усердствовал мальчонка, совсем дитя по виду, с копной каштаново-рыжеватых кудрей, как будто смоль и золото соединились. Мой сын, Неоптоле, как я позже узнал. Как Деидамия его отпустила на войну, не знаю. Я видел, как он убивает старца Приама у алтаря. Что ж, закономерный поступок для сына того, кто разграбил храм и убил жрецов. А после захвата города Одиссей решил казнить Поликсену. Он представил ее главной виновницей моего перехода к троянцам. Мол, она окрутила меня и склонила на троянскую сторону. Как бы она, не покидая Трои, ухитрилась это сделать, хотел бы я их спросить. Но эту единственную смерть я встречал с радостью. Ей перерезал горло Неоптолем. Поликсена запретила вести ее к алтарю связанную. Сама дошла, сама обнажила грудь, сама подставила горло. Когда мой сын резал ее, она смотрела ему прямо в глаза.

*

Она сошла в Подземное царство. Гермес проводил ее, как и меня. Я прогуливался на берегу Стикса и, когда увидел ее в ладье Харона, то со всех ног помчался, чтобы встретить первым.

– Вообще-то отец хочет, чтобы ты сошелся с Еленой, – морща нос, сообщает Гермес. – Когда она завершит земные дни, то должна стать твоей подругой. Прекраснейшая женщина и сильнейший воин – пара лучше не придумаешь. Он хочет даровать Елене бессмертие и тебя им одарит.

Я могу обрести бессмертие? Выходит... я стану богом? Это даже лучше, чем вечная память.

– Нет, – Гермес поднимает брови, думает, что ослышался. – Мне не нужна Елена. И бессмертие тоже. Так своему отцу и передай.

Он дует губы: не разговаривают так резко с богами и не дают им приказов. Но исчезает.

Мы бродим с Поликсеной рука об руку по зеленой траве, растущей без солнца, рвем рубиновые розы и сапфировые гиацинты. Она смеется, и я понимаю, что там, наверху, так и не услышал ее смех. Иногда мы видим знакомые лица – Троила и Гектора. Мне многое хочется им сказать, но я не решаюсь.

Вниз сходят Пелей и Деидамия. Все попавшие в Элизиум обретают молодость (или сохраняют, как мы с Поликсеной), и я вижу отца юным. Я похож на него, только без надменного выражения, которое не оставляло меня после встречи с богиней-матерью.

Пелей говорит, что власть в Эпире принадлежит теперь Гелену и Андромахе. Он долго и скучно рассказывает, как так вышло, но я быстро перестаю слушать. Ясно только, что Неоптолем взял Андромаху в качестве добычи, а потом женился на своем трофее. После смерти моего отпрыска наследником стал его сын от Андромахи, а она сама стала женой Гелена. «Ну

что ж, – думаю я. – Я забрал у нее мужа, мой сын отнял свободу. Вот она взяла все сполна».

Деидамия рассказывает, что Неоптолем был трудным ребенком. Маленький, он изводил криками слуг, а повзрослев, полюбил смотреть, как их наказывают. Она не могла понять, откуда в нем эта злоба, и испытала облегчение, когда наш сын уехал под Трою. Он так и не вернулся – предпочел уехать к деду в Эпир. Пелей признается, что несдержанность Неоптолема его пугала. Я должен считать несчастьем смену династии в родном Эпире, власть-то теперь принадлежит Гелену и Андромахе, но думаю только: «Пожалуй, оно и к лучшему. Уж лучше скрытный, осторожный Гелен, чем буйный Неоптолем».

Наконец приходит и последний, кого я уважал, – Менелай. Он спускается вниз седым морщинистым стариком, и я рад, что он прожил долгие годы. Он вновь становится юношей, каким был во время сватовства к Елене. Мы обнимаемся как братья, и я думаю, что он, наверное, вправду был мне старшим братом. Других – Агамемнона, Одиссея, Неоптолема, Патрокла – я не встречал еще. Предположу, что они где-то в другой части земли мертвых и там не столь красиво, как в Элизиуме.

Мы – я, Поликсена и Менелай – сидим на берегу реки Леты, и я спрашиваю старого товарища:

– Так в чем же был смысл этой войны? Ради чего мы, эллины и троянцы, убивали друг друга? Я думал, отправляясь под Трою, что иду сражаться за правое дело. Вернем эллинскую царицу законному супругу, накажем подлецов, что нарушают законы гостеприимства. Неужели все было лишь ради амбиций твоего брата?

Менелай молчит. Но он должен найти ответ, потому что я-то этого сделать не могу. А мне нужно понять.

– Может, ради истории? О любви, например, – наконец говорит он. Я в немом изумлении смотрю на него и жду пояснения. Даже Поликсена

поднимает головку с моего плеча, хотя до этого она дремала и нас вполуха слушала.

– Какой-такой любви? Твоего брата к золоту и власти, что ли?

– Нет. Тысяча кораблей поплыла почти на край света ради прекрасных женских глаз. О чести. Разве ты не за этим туда отправился? А Гектор – разве не честь он защищал в поединке с тобой, хотя мог убежать за городские стены? О смелости, наконец.

– Да Елена Париса терпеть не могла. А ты – ее.

– Это неважно, – необычайно мягко говорит Менелай. – Важно, что Троянскую войну так запомнят. И это неплохо, наверное. Миру нужны красивые истории. Вроде преданий, на которых выросли мы. В них, похоже, тоже правды нет.

– Почему же? – подает голос Поликсена. Обычно в присутствии Менелая она молчит – то ли из робости, то ли понимая, что нам нужно поговорить о чем-то своем, мужском. – Крупицы правды в них, я думаю, есть. Предание не может соткаться из ничего, ему как полотну нужны нити. А какой узор будет, решает ткачиха.

– Мы подарили миру новую историю. И хотим мы или нет, будем в ней главными героями до скончания времен.

– Думаешь, нас так долго будут помнить?

– А разве тебе не предрекли это при рождении?

Я улыбаюсь. Почти все, с кем мы сражались под Троей, умерли. Пройдет еще пятьдесят-шестьдесят лет, и их дети сойдут под землю. Никто уже не узнает, какими мы были на самом деле, чего желали и чего боялись. И тогда...

– Мне достанется больше других, – словно подслушав мои мысли, замечает Менелай. – От меня ведь жена сбежала к юному красавчику. Страшно представить, что обо мне будут рассказывать. Ну что ж, такова цена вечной памяти.

Ты опечален? Жизнь не песня. Ты молод еще, но примешь эту истину, научишься с нею жить. Знаешь, почему я поведал тебе, как все было? Твоя наивность умилила и раздражила меня. Захотелось открыть тебе глаза – да, не лучшее выражение в твоем случае, уж прости. В преданиях мы, эллины, были сплошь образцами благородства. Менелай – потешным рогатым мужем. А Ахилл – тот, кто убивает, а не ищет примирения.

Ты сказал, что должен создать поэму о Трое. Для этого ты мог и не призывать меня. Певцу нужна не правда, а предание, которое можно обработать, как мастер – камень. Люди сами выбирают, во что верить. Города захватываются, армии уничтожаются, герои умирают, а предания вечны. Так создай поэму, что поразит людские умы. Пусть пройдут века, а люди будут повторять имена Ахилла, Гектора, Приама, Менелая. Если сможешь создать такую поэму, значит, Менелай прав и война была не напрасной. Возможно, тогда я подойду к Троилу, Гектору и Андромахе. И скажу им то, что давно уже хочу, да смелости нет. Все жду, что Поликсена приведет меня к ним, но она отказывается.

Но когда-нибудь я это сделаю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из ведущих тенденций в современной литературе является переосмысление мифологии, новое значение в художественном произведении придается мифологическим образам, фабулам, мотивам и этическим характеристикам персонажей.

Прием осознанного влияния мифологического материала на литературное произведение – мифологизм – позволяет привнести в конкретный сюжет глубину и универсальность.

Наиболее часто авторы используют в своих произведениях античные мифы, что объясняется красотой и поэтичностью этих древних сказаний, богатством образов, сюжетов, мотивов, этической составляющей, значительным количеством источников мифологического материала, освоенностью этого материала европейской и русской культурой.

Целью нашего исследования было выявить особенности использования мифа в современной литературе. В ходе работы мы рассмотрели понятия «миф», «мифологизм», определили способы присутствия и функции мифа в художественном произведении, проанализировали, как миф используется в самостоятельно написанных произведениях.

К особенностям «Мифологических рассказов» можно отнести следующее:

- 1) автор как реконструирует мифологические сюжеты, так и вводит мифологические мотивы в реалистическое повествование;
- 2) автор использует приемы демифологизации и ремифологизации;
- 3) литературное произведение объединяется с другим видом искусства – живописью.
- 4) усиливается роль женских персонажей, они выходят на первый план.

Использование мифа в литературе позволяет обращаться к «вечным темам» и проблемам современности с использованием общепонятных символов и метафор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 Аверинцев, С. С. Мифы / С. С. Аверинцев, М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 222 – 225.

2 Аветисян, В. О. Об этнокультурном дискурсе в поэтике Гоар Маркосян-Каспер / В. О. Аветисян // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 98 – 102.

3 Аксенов, В. Странное ощущение Москвы : интервью [Электронный ресурс] / В. Аксенов // Литературная Россия. – 2006. – № 11 : [интернет-портал]. URL : <https://litrossia.ru/item/569-oldarchive/> (дата обращения: 12.05.2023).

4 Анцыферова, О. Ю. Жанровые трансформация мифа в проекте Canongate: Пелевин, Уинтерсон, Этвуд / О. Ю. Анцыферова // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 3. – С. 5 – 13.

5 Аполлодор. Мифологическая библиотека / Аполлодор. – Л. : Наука. 1972. – 216с.

6 Бернатоните, А. Рецензия на книгу С. Богдановой «Сон Иокасты». 6 сентября 2017 [Электронный ресурс] / А. Бернатоните // Литературный портал «Букля». – URL : <https://buklya.com/son-iokasty-svetlana-bogdanova.html> (дата обращения: 12.05.2023).

7 Басинский, П. Ужас «Шлема» [Электронный ресурс] / П. Басинский // «Литературная газета». – 2005. – № 48. – URL : https://web.archive.org/web/20061012230048/http://www.lgz.ru/archives/html_archive/lgz482005/Polosy/7_2.htm (дата обращения: 12.05.2023).

8 Богданова, С. Реинкарнация опыта. Разговор с писателем Светланой Богдановой о жизни, карме, истории и творчестве [беседу вел Николай

Васильев] // Литературная Россия. – 2019. – № 29. – 2 августа. – URL : <https://litrossia.ru/item/reinkarnaciya-opyta/> (дата обращения: 12.05.2023).

9 Богданова, С. Сон Иокасты : роман-антитеза [Электронный ресурс] / С. Богданова // Знамя. – 2000. – № 6 – URL : <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/son-iokasty.html> (дата обращения: 12.05.2023).

10 Брызгалова, В. В. Манипуляция сознанием человека в информационно-коммуникативном пространстве в романе В. Пелевина «Шлем ужаса: креатифф о Тесее и Минотавре» / В. В. Брызгалова // Нижневартовский филологический вестник. – 2022. – №1. – С. 18 – 29.

11 Великовский, С. Путь Сартра-драматурга [Электронный ресурс] / С. Великовский // Литература Западной Европы 20 века : [сайт]. URL : <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-franciya/velikovskij-put-sartra/put-sartra-dramaturga-2.htm> (дата обращения : 12.05.2023).

12 Верницкий, А. Рецензия: Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре [Электронный ресурс] / А. Верницкий // НЛО. – 2006. – Вып. 4. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/recz-na-pelevin-v-shlem-uzhasa-kreatiff-o-tesee-i-minotavre-m-2005-poeziya-uznikov-gulaga-antologiya-m-2005-boteva-mariya-что-kasaetsya-schastya-ehat-umirat-poema-novuj-mir-2006-6-tishkov-1.html> (дата обращения : 12.05.2023).

13 Гаспаров, М. Л. Вступительная статья к публикации поэм Й. Сефериса [Электронный ресурс] / М. Л. Гаспаров // Иностранная литература. – 1996. – № 7. – URL : <https://magazines.gorky.media/inostran/1996/7/tri-tajnye-roemu.html> (дата обращения : 12.05.2023).

14 Данилкин, Л. Рецензия: Виктор Пелевин «Шлем ужаса». 18 октября 2005 [Электронный ресурс] / Л. Данилкин // Сайт творчества Виктора Пелевина: [сайт]. URL : <http://pelevin.nov.ru/inews/?n=1130334941> (дата обращения: 12.05.2023).

15 Зайнуллина, И. Н. Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. Н. Зайнуллина. – Казань, 2004. – 21 с.

16 Изер, В. Изменение функций литературы / В. Изер // Современная литературная теория. Антология / сост., пер. и примеч. И. В. Кабановой. – М. : Флинта : Наука, 2004. – С. 22 – 44.

17 Козлов, А. С. Миф / А. С. Козлов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 559 – 561.

18 Колядич, Т. М. Мифологический дискурс в романе В. Аксенова «Моска-ква-ква» / Т. М. Колядич // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. – 2013. – № 2 – 2. – С. 81 – 85.

19 Лосев, А. Ф. Гомер / А. Ф. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 1996. – 400 с.

20 Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.

21 Лотман, Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. К – Я. – С. 58 – 65.

22 Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе : учеб. пособ. / Е. М. Мелетинский – М. : РГГУ, 2001 – 169 с.

23 Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.

24 Мирза, Е. А. Сюжет об Эдипе в дискурсах русской прозы 2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Мирза. – Томск, 2013. – 24 с.

25 Ремизова, М. Послушали птиц... : краткий обзор июньских толстых журналов [Электронный ресурс] / М. Ремизова, А. Урицкий // Независимая газета. – 22.07.2000. URL : http://www.ng.ru/culture/2000-07-22/7_birds.html (дата обращения: 12.05.2023).

26 Рытова, Т. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI в. / Т. А. Рытова, Е. А. Щипкова // Вестник Томского гос. ун-та. Серия : Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 115 – 128.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1 Берхем, Н. П. Юпитер и Каллисто [Холст, масло], Частная коллекция, 1656.

2 Буше, Фр. Диана после купания [Холст, масло], Париж : Лувр, 1742.

3 Морган, Э. Ариадна в Наксосе [Холст, масло], Вена : Музей истории искусств, 1877.

4 Рубенс, П. П. Диана и Каллисто [Холст, масло], Мадрид : Галерея Прадо, 1635.

5 Уотерхаус, Дж. Эхо и Нарцисс [Холст, масло], Ливерпуль : Галерея Уокера, 1903.